МОБИЛЬНЫЕ
Мария АРБАТОВА
СВЯЗИ

Мария Арбатова

Мобильные связи (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178064
Мобильные связи: АСТ, АСТ Москва; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-044177-8, 978-5-9713-6628-7

Аннотация

Однажды в Германии они с подругой решились через фирму заказать мальчика. Пришел красавчик – молоденький араб. Начали болтать по-английски и кормить его, как две заботливые мамаши. Парень рассказал о своей студенческой жизни. Правительство его страны платит за обучение, но стипендия крохотная. Через час болтовни араб понял, что имеет дело с полными дурами, и объявил, что идет почасовая оплата.

Содержание

Любовь к американским автомобилям 4
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Мария Арбатова
Мобильные связи

Любовь к американским автомобилям
Роман

С автомобилями в моей семье было ох как не просто. Первой машиной был бежевый «Запорожец», рожденный отечественным автодизайном вслед за горбатым и ушастым. Как обладательнице больной ноги, мне полагалась машина с ручным управлением. Получить ее оказалось довольно просто: тесты на тренажере, подтверждающие придурковатость ноги; справка о менее придурковатых зрении и психике и разборка с теткой-распределительницей.

Для тетки, сидящей на раздаче унизительных машин униженным инвалидам, я выглядела как дырка в формальной логике. Она ни разу не давала машины молодой бабе, явившейся одновременно и с мужем, и без взятки. А посему начала остервенело орать, что таким, как я, «нечего, незачем и не по праву»… Я на подобных тетках отполировала зубы по судьбе и по работе. Так что скорбно попросила у нее лист бумаги и прямо на ее столе начала писать заявление в вышестоящую инстанцию о ее – теткиной – профнепригодности на этом теплом месте. Увидев мою подготовленность к подобной коммуникации, тетка сначала стыдливо прижала уши, потом заискрилась, завилась мелким бесом, затем заплакала про трудную женскую судьбу и легкое помрачение от усталости… После чего оформила бумаги со скоростью реактивного самолета. Присутствовавшая в комнате очередь из инвалидов косилась на меня как на богатыря, одним махом отрубившего дракону три головы.

Победа опьянила. И я с мужем и нашим другом, покойным журналистом Андреем Фадиным, рванула на крыльях победы за агрегатом. Ни я, ни муж машин не водили, и Андрей великодушно взял над нами шефство.

– Научишься водить, выучишь Москву, побьешь ее по углам, а там и нормальную купишь, – пояснял Андрей, – я тоже начинал с «Запорожца»…

Попав в жуткий заледенелый двор, где теснились новенькие «Запорожцы», мы оторопели. Ни одна из наличествующих машин не была укомплектована по полной программе. Начальник обледенелого двора вяло сообщил, что их так и присылают; хотя на морде у него был отчетливо написан адрес исчезновения запчастей.

– Ладно, мужик, как-нить до дому на ней доедешь, а там в сервис гони, все поставят, – посоветовал начальник двора, – машина – зверь! На рыбалку на ней ездить лучше, чем на танке. Можешь, конечно, не брать. Но другой партии не будет, пока этих не возьмут. А с этих пока еще больше свинтят… не углядишь.

– Ладно, поеду, – сказал Андрей мужику, – если куда-нибудь врежусь – тебя судить будут!

– А ты не врезайся… – подмигнул мужик.

Задавать вопросы, как на подобных машинах выезжают отсюда инвалиды, было бессмысленно, поскольку сначала надо было понять, как они смогут войти сюда и добраться до автомобиля по стопроцентному катку.

– Я тебе честно скажу, у твоей не хватает мелочи. По сравнению с остальными она просто «мерседес». И радуйтесь, что досталась, из старых запасов тачка… Скоро Ельцин с Гайдаром все так разворуют, уже никому ничего не дадут… – сказал на прощанье начальник ледяного двора.

И мы, три обозревателя отдела политики передовой «Общей газеты», отчаянные реформаторы и витиеватые либералы, не утрудили себя дискуссией, а медленно и тревожно выехали на урчащем агрегате.

Сказать, что «Запорожец» шумит, – это ничего не сказать: он ревет, как раненый носорог. Сказать, что его не трясет, тоже ничего не сказать: мотоцикл с коляской, двигающийся по деревенской дороге, по сравнению с ним круизный лайнер. Сказать, что в нем удобно сидеть, – это совсем ничего не сказать: в нем немного удобней, чем в гинекологическом кресле, но теснее, чем в стоматологическом.

Доехали мы, не врезавшись… Но попытки приручить железного друга инвалидов не давались, несмотря на то что до этого я весело рулила чужими иномарками.

– Андрей, – жаловалась я после очередного урока вождения, – у меня ничего не получается. Мы с ней друг друга не чувствуем. Может быть, я недостаточно инвалид, чтобы овладеть этой штукой?

– Видимо, я тоже, – пожимал он плечами.

Измучив себя и машину попытками близости, я поняла, что у нас тканевая несовместимость. Однако тканевая несовместимость с «Запорожцем» расползлась по всей семье. Ни оба мужа, ни оба сына не проявили интереса к этому техническому чуду. Все семейные советы резюмировались: «Давайте его кому-нибудь отдадим!!!»

Но «Запорожец» не отдавался. Каждый раз что-то мешало то нам, то ему, то потенциальным владельцам. Мы испробовали все: дешево продать, подарить, забыть или спровоцировать угон… Ничего не помогало, он миролюбиво застыл перед домом лет на пять, ласково именуясь «наша недвижимость». И поучаствовал только в моей предвыборной кампании в депутаты Госдумы в 1999 году. Увидав в разделе анкеты про автотранспорт слово «Запорожец», избирательная комиссия прослезилась и решила, что это изощренно продуманный пиар.

Годы шли, машина жила самостоятельной уличной жизнью, не принадлежа никому, кроме сидящих на ней дворовых кошек. И вот в один прекрасный день из окна кухни я увидела простоватого парнишку с изо всех сил беременной молодой женщиной. Они важно крутились вокруг «Запорожца», дергали за ручки, заглядывали в окошки… и достаточно мало походили на угонщиков. Через некоторое время зазвонил домофон и мужской голос с тем еще выговором сказал:

– Здрасьте, я это… машину вашу покупаю… Почем продаете?

– Я не продаю машину, – вежливо объяснила я.

– Так у вас стоит, а мне картошку возить… и жена у меня опять беременна! – возмущенно ответил он.

– Машина с ручным управлением, – пояснила я.

– Дык Васька придет, все враз сделает… чё она тута стоит?…Вы поймите, картошку в сарай возить…

– По закону я не имею права продать машину с ручным управлением…

– Дык мы угоним, тока вы разрешите…

– Если вы угоните, я обязана буду заявить в милицию…

– Дык вы не увидите, вы тока разрешите…

– Да она не ездит, пять лет стоит в одной позе!

– Дык у Васьки враз поедет!

– До свидания, молодой человек, я уже все вам объяснила.

– До свидания. Дык я приду еще, вы пока думайте почем…

Через пять минут я о нем забыла. На следующий день ровно в то же время диалог через домофон повторился. В течение месяца он повторялся ежедневно. Мы с деревенским парнем уже вроде даже и привыкли к подобной форме коммуникации, и никто никуда не торопился.

Перемены в наши отношения внесло его возбужденное заявление, что жена вчера опять родила мальчонку, а из роддома его везти не на чем. И вообще мне должно быть стыдно, что он из деревни на электричке мотается, картошку в сарай на тачке возит, а я все никак не желаю сговариваться.

– Хорошо! – сказала я. – Сто долларов, и чтоб больше я вас никогда не видела и не слышала.

– Вот и по рукам, – откликнулся парень через домофон, – завтра с Васькой придем, да и махнем на ней.

Я уже работала телеведущей, и физиономия моя легко распознавалась. Но по разговору через домофон поняла, что он не в курсе дела. Не хотелось быть опознанной, чтобы все гаишники по дороге от моего дома до его деревни были оповещены, что он по понятиям угнал «Запорожец» именно у Арбатовой, чтобы возить сначала сына из роддома, а потом картошку в сарай. Я замотала волосы косынкой, надела темные очки и вышла с мужем на улицу в назначенное время. Парень, радостно сияя, стоял возле точно такого же дружка. Дружок был обещанным Васькой, в его прищуренных глазах было написано: «Интеллигенты хреновы, такую тачку прозябать оставили!»

И возразить ему было нечего…

Мы с парнем обменялись ста долларами и доверенностью от руки. Васька залез в машину и сладострастно затих, погрузившись в ее внутренности.

– Удачи! – пожелала я. – Очень удивлюсь, если она сдвинется с места хоть на сантиметр.

И направилась к дому…

– Подождите, женщина! – возмутился парень. – А обмыть? Ей без этого никак! У меня тут все с собой заготовлено: хлебушек, огурчики, беленькая. Прямо на бампере и разложимся, чтоб дома не топтать…

– Ничего, обмоете сами… Поздравляю с сыном! – вежливо отстранилась я.

Мы с мужем отправились домой, подошли к кухонному окну, чтобы посмотреть, как бедняги колупаются с недееспособной машиной… однако парни с неимоверным грохотом и невозмутимыми лицами уже выезжали со двора.

Больше я «Запорожца» не видела. Года через три позвонил престранный персонаж:

– Вот мне тут телефон ваш дали, я про машину звоню. У вас машину угоняли?

– Да как вам сказать… – не нашлась я.

– Вот и хорошо! Они ее не в том месте поставили, мы в соответствии с инструкциями эвакуировали. Ну, она у нас на стоянке постояла, а они платить за стоянку не хотят. Там набежало. Денег у них нет. А я бы ее дяде жены своей взял. Он в Казахстане скот держит, ему такая машина совсем как раз… вы мне только доверенность напишите.

– А вы, собственно, кто? – совсем запуталась я.

– Милиционер я. Мы машины конфискуем. А у них все равно денег нет, и вам она зачем, если вы Арбатова?

– Мне она незачем, и я за то, чтобы она возила картошку или пасла скот, но… не могу два раза продавать одну машину. Я ее и один-то раз не имела права продавать…

– Так давайте я ее как бы угоню с нашей стоянки.

– У кого угоните?

– У вас! Нет, у них… Нет, не у них… У себя.

– А зачем мне писать вам доверенность, если вы сами у себя угоняете? Вот сами себе и пишите.

– Так я по закону хотел! – пояснил он. – Ну, всего вам наилучшего!

Ничего, кроме своеобразного представления милиционера о законе про это, больше не помню.

Вторую машину сыновьям подарил мой первый муж. Это были белые «Жигули», практически ровесники Петра и Павла. Их хозяином прежде был какой-то бережный космонавт, но за несколько лет общения с моим первым мужем от космонавтской бережности не осталось и следа. Первый муж – певец по профессии – с театрализованным сознанием ездил на машине «как в последний раз», и в руки педантичного Петруши она попала, болея всеми системами и органами. Ремонт стоил во много раз больше, чем она сама. Но детям было приятно, что папа – материально не участвующий в их взращивании с четырнадцати лет, в ответ на то, что ему было отказано в праве считаться моим мужем, – отдал тачку со своего плеча.

Машина начала перешиваться, переначиняться, переукрепляться изнутри; подкрашиваться и подполировываться снаружи, хотя, конечно, все равно выглядела на свои годы. Счастью сыновей не было конца, и я философски смотрела на то, что машина работала копилкой, которую, к сожалению, после наполнения нельзя разбить и пересчитать денежки. Когда Петруша куда-то подвозил меня на ней, я отчетливо слышала за спиной:

– Смотри, как на Арбатову похожа!

– Ладно тебе, Арбатова не может выходить из такой позорной машины…

Меня это веселило. Тем более что у меня вообще специфические отношения с автомобилями, и я интересуюсь только двумя вещами: может ли он ехать и сильно ли красив. А поскольку из всех машин красивыми мне кажутся только старые «Волги», «Победы» и пожилые американские автомобили, то разница между «Окой» и «мерседесом» для меня совершенно не принципиальна. Это всегда обижало мужчин, пытавшихся поразить навороченным транспортом, и подруг, накопивших на престижные тачки.

Я вообще плохо чувствую и понимаю про технику, как говорил Юрий Олеша: «Трамваи меня не любят…» Но я могу часами зачарованно стоять перед старым американским автомобилем и созерцать его, как поэт музу. Обсуждать это удовольствие мне, увы, было не с кем, поскольку мое окружение считало это особой психической девиацией… И вдруг я познакомилась с практикующим фанатом американских автомобилей!

Президента ныне почившего клуба «Колумб» звали, скажем, Веня Козлов. Костя Боровой пригласил его на плов в дом моей подруги писательницы Киры Суриковой. В этом сезоне было модно готовить плов не у себя, а в гостях, приходя с набором продуктов.

…Если бы я не опоздала к общему сбору, то сэкономила бы кучу времени, нервов и денег. С другой стороны, мне было бы сейчас нечего рассказать… потому что, опоздав, я не увидела бы, что Веня Козлов явился в узбекском халате, снятом к моему приходу. Человек, способный прийти в первый раз в дом на плов в узбекском халате, если он, конечно, не узбек и если в доме не объявлен карнавал, сразу диагностируется как необратимый придурок… но, увы, я опоздала и о халате узнала слишком поздно. Так что Веня был диагностирован в качестве придурка всеми, кроме меня.

Вечеринка была чудесная, а плов сырой, вязкий и не пригодный по прямому назначению… Мы зацепились с Веней языками, и в первые же пять секунд он поведал, что работает в секретном спецподразделении по борьбе с наркотиками, бегает с пистолетом и ловит наркобаронов. Заява по своей придурковатости не сильно отличалась от узбекского халата, но я проморгала. Тем более что на заседание моего женского политического клуба хотелось позвать очередного экзотического гостя, а Веня цитировал классиков, махал руками, заглядывал в глаза и умело концентрировал на себе внимание всеми способами.

Короче, я приняла Веню за персонаж, который сможет удержать внимание аудитории в течение трех часов, а он принял меня за писательницу Маринину, поскольку о существовании других живых писательниц, да и писателей тоже, не имел ни малейшего представления. С этого началась наша полуторагодовая совместная тусовка. Дружбой это было назвать нельзя, поскольку дружба подозревает диапазон равнодуховного обмена, а альянс аспиранта

с первоклассником – при всей взаимной отзывчивости и доброжелательности – все равно будет называться опекой.

Веня не был носителем ни заметных внешних данных, ни высокого интеллекта. В силу избалованности и амбициозности я западала в мужчинах на одно или на другое, но чаще на сочетание. В самом начале знакомства я взяла его на представительскую тусовку, где могла налететь на пару «бывших», и прямо в машине на Петровке предложила выпить на брудершафт. Венино лицо вытянулось, видимо, он предположил, что все остальное может произойти между нами здесь и сейчас, и предупредил, что мне стоит сразу сделать правильный выбор, поскольку он хороший друг, но плохой любовник. Ах, знать бы мне, что друг он такой же, как и любовник… впрочем, тогда мне бы сейчас было нечего рассказать. И я с радостью выбрала первое, предложив перейти на «ты» без всякого тактильного контакта.

Бросившись приятельствовать, мы тут же выяснили, что расстались с любимыми одинаковое время тому назад и находимся на одинаковом жизненном перепутье, и начнем соревноваться, кто быстрее наладит новый симбиотический союз. Я полгода как бархатно развелась со вторым мужем, сохранив нежнейшие отношения и привычку обсуждать с ним все серьезные жизненные проблемы; а Веню полгода тому назад бросила дама сердца, ушедшая к крупному окололужковскому вору. Трагедия Вени умножалась тем, что вор в течение этого времени подарил ей уже два угнанных по очереди джипа. Чего наш честный не то полковник, не то подполковник (он всегда путался в количестве собственных звездочек) тайного подразделения по борьбе против наркотиков подарить не мог. Так что эмоциональная жизнь Вени заключалась в анализе бесконечных случайных пересечений с коварной дамой, хождении к гадалкам, стонах о заговорах и приговорах и демонстрационных шашнях с ее сотрудницей по кличке Беби.

Беби была простонародной девушкой возраста Вениной дочери. Она присутствовала на плове вместе с узбекским халатом, но мне не удалось запомнить ее с первого раза. Беби была симпатичной девчонкой из неблагополучной семьи окраинного района Москвы и все время нуждалась в деньгах, которых ей не собирался предлагать никто, кроме дяденек возраста ее отца. Работала кем-то вроде бухгалтера и рефлексировала о жизни в сто раз меньше, чем даже Веня. Выглядела тоже стандартно, посмотрев на нее, мои сыновья возмутились:

– Вот ты, мать, говоришь, что наша знакомая Н. выглядит как дешевая б.? Так по сравнению с Беби она просто выпускница Смольного!

Возразить сыновьям мне было нечего. Но в конце концов, и Веня, и Беби имели право на свое видение прекрасного.

Моя эмоциональная жизнь тоже была не особо наполнена. Я была влюблена в одного женатого красавчика. И в силу его женатости, а также трезвого понимания, что мне он нужен именно в состоянии женатости не на мне, не могла появляться с ним в свете. Красавчик, правда, тоже интеллектуально не хватал звезд с неба, но по сравнению с Веней был Платоном, Сократом и Архимедом в одном флаконе. Веня был простой, как ситцевые трусы. Из моих книг смог прочитать только одну и сформулировать:

– Ну вот как с тобой можно иметь отношения, если ты потом пишешь про всех своих мужиков?

Как будто остальные писательницы писали про чужих.

Веня был патологически необразованный, хотя трындел про два вуза и одну диссертацию. Очень цитирующий, хотя мало что прочитавший. Очень сексуально неблагополучный, хотя процентов восемьдесят времени пытался свести любую тему на сексуальную. Очень одинокий, хотя постоянно тусующийся. Очень безвкусный, пафосный, показушный… но вполне трогательный во всем этом наборе. Главной трагедией Вениной жизни было то, что к моменту начала мужского климакса он не знал, кто он. И совершенно не понимал, как честно об этом сказать другим и себе. Короче, типичный «новый русский»…

В мою жизнь Веня впился ртом рыбы-присоски и начал пускать корни во всех ее сегментах, особенно в социально ценных. Меня это особенно не напрягало, мало ли какие у людей комплексы. Внешний антураж Вениной жизни состоял из тоскливых бездельных будней, проводимых в трехэтажном доме в Серебряном Бору и офисе придуманного им учреждения. Дом, судя по Вениным способностям к любому виду трудовой деятельности, давал понять, что в один прекрасный день Веня что-то удачно своровал. Ответить на прямые вопросы по поводу существования дома он не мог никогда. С другой стороны, вокруг стояли дома, владельцы которых своровали значительно больше, и это помещало Веню в трудную позицию. Гостям победнее он говорил: «Вокруг одно ворье!» Гостям побогаче: «В нашем кругу принято…»

Внутри дом был апофеозом архитектурной тупости и дизайнерской безвкусицы – как говорят англичане: «твой дом – это ты»; но стоял на берегу реки в маленьком закрытом поселке недалеко от центра Москвы. Пятнадцать минут без пробок, и можно было вдыхать речной воздух, смотреть на пришвартованные яхты жителей поселка или внутрь пылающего камина. Как большинство «новых русских», Веня страдал в доме от одиночества и невостребованности и через день сложносочиненно заманивал к себе в гости всех, кто заманивался. Хозяин он был радушный, внимательный, щедрый, заботливый… если бы еще не говорил так много… а главное, не пел под гитару. Как многие люди, обожающие выступать, Веня не мог посмотреть на себя критически. Да и просто не понимал, что для того, чтобы петь под гитару, надо иметь хоть искру таланта. Как, впрочем, и для того, чтобы сочинять тексты и музыку для этого самого пения.

Внутри дома все было временно, наспех, нелюбовно и нелогично. Одноразовая посуда была размешана остатками сервизов из прошлых жизней, бумажность скатертей и пластмассовость столов и стульев еще как-то могли оправдываться летом, но зимой-то он тоже жил с ними в мире и согласии. В «детской» с потолком, полным обойного звездного неба, стояли Венины модели яхт и кораблей, словно он тайно прятался туда доиграть в то, во что не дали доиграть в детстве. Там даже стояло какое-то количество книг, то ли подаренных, то ли купленных для интерьера, но вусмерть непрочитанных. Собственно, из всего наполнения дома Веня дружил только с баром и телевизором. И они отвечали ему взаимностью.

Тоску домашнего одиночества Веня прерывал поездками в офис, который придумал, чтобы кем-то быть. Офис был клубом любителей американских автомобилей и назывался, скажем, «Колумб». Каким образом любители американских автомобилей могли бы их любить вместе, не знал никто, но Веня пообещал им этот способ за приличные взносы. В способ совместной любви к американским автомобилям входили: коллективные развлечения, скидочные карты на кино, вино и домино и неубедительно озвучиваемое Веней чувство единства. Совместные развлечения организовывались довольно неизобретательно: снять ресторан или дом отдыха с девками и нажраться. Скидочные карты: три процента в казино, пять процентов в автосервис, десять процентов в стоматологическую клинику… тоже не давали земного рая. Но вот чувство единства успешно достигалось ежегодным конкурсом красоты под названием «Мисс открытие Америки». И, познакомившись с человеком любого пола и возраста, Веня первым делом усаживал его перед видиком и заставлял смотреть сей любительски снятый любительский конкурс, а заодно и записанные телепрограммы, в которых ему удалось показаться в качестве отца и хозяина конкурса.

В офисе у Вени сидела незамужняя секретарша, прелестная Наташа с хорошими манерами, неспособная с первого раза выполнить ни одного секретарского задания, кроме наливания чая. А также вечно орущая на Веню незамужняя директорша Оля с плохими манерами, производственная деятельность которой была для меня загадкой. Вместе они составляли для Вени идеальную женщину, и он ходил на работу, чтобы получать пинки от Оли и утешенья от Наташи, а совсем не для того, чтобы организовывать какой-либо процесс.

На самом деле ему надо было сделать одну женой, другую – любовницей, закрыть офис и достичь таким способом мировой гармонии. Причем совершенно не важно, кого женой, а кого любовницей, главное, чтобы они были в паре. Проблема состояла в том, что тогда не было оснований писать в своей визитке слово «Президент». Да и пришлось бы платить им деньги из собственного кармана, а не из взносов доверчивых учредителей.

Когда мы затусовались, все удивлялись, чт# у меня может быть общего с пустым Веней? Но общего у нас были: несколько лет жизни в интернатах при полных и вполне респектабельных семьях, вкус к светской жизни и безумная любовь к американским автомобилям. В интернатах мы, естественно, были в разных и в разное время… Но одинаково не простили этого родителям. Светскую жизнь понимали по-разному и занимали в ней разные ниши, но органично сочетались в ее рельефах. Американские автомобили любили одинаково… до умопомрачения. Мне никогда не надоедало слушать Венины описания очередного коллекционного медлительного монстра, смотреть на него по видику или на фотках, обсуждать его дизайн и биографию.

В Венином гараже стоял невероятный розовый «олдсмобиль», первым владельцем которого по документам являлся Элвис Пресли. И я с напором экскурсовода, обожающего свою работу, каждый раз водила туда гостей, предлагая и помогая восхищаться агрегатом немыслимой величины и элегантности. Открывала дверцы, уговаривала посидеть за рулем на желтых кожаных диванах, осмотреть нос и хвост… словно была конструкторшей, владелицей данной машины или хотя бы фанаткой Элвиса.

Кроме «олдсмобиля», в Венином «личном автопарке» было два автомобиля марки «шевроле-каприз». Белый, летящий, с полицейским отбойником спереди и постмодернистской антенной-птицей сзади и коричневый неуклюжий универсал. Оба они были величественны, неповоротливы, нереально просторны и комфортны внутри.

Поскольку наше знакомство началось со строенья глазок, то первые дни Веня приезжал, чередуя автомобили и костюмы, модулируя голосом, рассказывая про скорый отъезд в Чечню на защиту родины, вспоминая про героические подвиги в молодости, показывая настоящий пистолет и рацию, разворачиваясь в час пик через две сплошные линии, цитируя, аффектируя и симулируя… как немолодой психолог, я терпимо относилась и к этому; и к тому, что все костюмы у него были светлого или горчичного цвета, как у кавказского торговца овощами; что на светские мероприятия он горделиво припирался в кожаных штанах и жилетке… Правда, говорят, пару лет тому назад мог вообще напялить в люди ковбойскую шляпу.

Я всегда испытывала смешанные чувства к людям в шляпах. Когда в шляпах ходили полуцирковые персонажи вроде Лидии Ивановой, Натальи Дуровой и Натальи Нестеровой, это было нормально… «Здравствуй, Бим! Здравствуй, Бом!..» – и глаз ищет и находит рядом слона или ученую обезьянку… но вот когда пришлось участвовать в умной телепрограмме вместе с Михаилом Боярским, я себя ощущала как в компьютерной игре, давшей сбой… Сидит пожилой дяденька, что-то говорит, как-то ему надо отвечать. А как ему отвечать, если он последние тридцать лет в этой шляпе? Если он не заметил, что их прошло ровно тридцать?

Но я бы простила и ковбойскую шляпу, если бы однажды по телефону Веня не сообщил мне, что пишет пьесу вместе с малоизвестным театральным режиссером. Пьесой, в его понимании, естественно, был пошловатый капустник на тему конкурса красоты «Мисс открытие Америки». Но как известно, отвращение писателя к графоману необратимо, как отвращение врача к знахарю или психолога к экстрасенсу. Первый изумленно говорит: «Но ведь этому надо долго учиться!» Второй обиженно отвечает: «Это тебе надо учиться, а я с этим родился!»

Видимо, со слов «я пишу пьесу» и начался мой внутренний облом про Веню. То есть, чувствуя всю его несостоятельность в области заявленной борьбы с наркомафией, успешного бизнеса, мужественного прошлого, красивого настоящего и перспективного будущего, я не могла привести для себя более мощных аргументов его личностного ничтожества, чем графомания. Конечно, можно было прицепиться к тому, что у него долго и мучительно умирала мать, а он по-свински разговаривал с ней по телефону. Но, как психолог, я не могла этого сделать. Судя по Вениным рассказам, да и по самому Вене, такие отношения мать выстроила сама.

Конечно, можно было прицепиться к свинскому отношению к дочери, о которой он заботился на публику, но быть отцом не умел и не силился, успокоившись, после того как подложил этот юный цветок под одного из своих климактерических приятелей: более ответственного мужика и более успешного бизнесмена. Но, как психолог, я видела, что родители не дали ему понять, что такое семья и отношения взрослых с детьми. Вене не приходило в голову, что роль двадцатилетней содержанки сорокалетнего дяденьки обычно выполняют девочки из бедных семей. Его устраивало, что деньги, силы и эмоции, сэкономленные на красавице дочери, он мог потратить на какую-нибудь из своих двадцатилетних содержанок, поскольку не верил, что кому-то может быть интересен бесплатно.

Конечно, можно было прицепиться к тому, что у Вени нет друзей, потому что он не умеет быть другом, точно так же, как не умеет быть сыном и отцом, а клубящиеся вокруг него приятели относятся к нему с легким презрением, что не мешает вместе проводить организованный Веней досуг. Но… я прицепилась к диагнозу: «Веня пишет пьесу».

Итак, сразу после знакомства я попросила Веню выступить в моем клубе. А еще попросила взять с собой на задание: пообещала загримироваться и надеть парик, спрятаться, наблюдать и описать это в бессмертном тексте. Вене сначала льстила эта идея, он пыхтел, раздувался… объяснял, что это просто трудная и грязная работа, что я буду разочарована, потому что они, простые российские герои, в момент облав не стесняются в средствах и выражениях… дальше шли многочасовые рассказы про то, как брали одного, второго, третьего… как бесподобен был в этих мизансценах сам Веня, сколько раз ему отбивали печень, почки, яйца, откусывали ухо, засовывали нож под ребро, пробивали голову, ломали пальцы и выбивали зубы… Одним словом, когда приглашение «на дело» состоялось – правда, не к нему, а к знакомому менту, – Веня уже был так скучен и прозрачен для всей компании в качестве «борца со злом», что я опекающе улыбнулась и придумала отказ, который Веню вполне удовлетворил.

Что же держало меня в этих отношениях, если я ощущала Веню несостоявшимся по всем статьям? Он был обаятельным. Он грамотно вписался в нишу опекающего мужчины, к которой я была приучена двумя браками. Он непонятно чем напоминал моего трудного брата. Да бог знает почему… Подходил к образу жизни, и все тут.

Выступать в клуб перед женщинами, «вмешивающимися в политику», Веня явился как полный мудак. Узбекского халата не было, но были огромные пляжные темные очки и светлый костюм глубокой зимой. Он начал с невероятной засекреченности, представился Иваном Ивановичем Ивановым, а я – бойко подыграла. Дико волнуясь, Веня монотонно начал рассказ, оставшийся у меня в отредактированном виде:

– Все, что я могу сказать, – это частные размышления частного лица, которые никак не соответствуют официальной позиции. Они не отражают официального мнения того департамента, которому я служу. Для того чтобы разговаривать о наркотиках, надо понять, какими они бывают. Одни из самых массовых наркотиков, которые процветали в советское время, а сейчас несколько теряют актуальность, это наркотики, добываемые путем несложной переработки дикой индийской конопли, именуемой в простонародье анашой. Конопля обладает некими наркотическими действиями, растет повсюду, в южных краях выращивается специ-

ально ради пеньки, веревок, но в ней слишком мал# содержание наркотических веществ, и она на языке противоположной стороны называется «беспонтовая».

Дамы взволнованно перевели дыхание.

– Наиболее сильная дикая индийская конопля растет в Казахстане в долине реки Чу. Это около полутора миллионов гектаров, она растет там, как у нас подорожник. А самая понтовая растет в Кашкарском районе Чуйского района Джамбульской области. Из нее изготавливается ряд наркотиков. Когда она в июне начинает цвести, туда бросается, у меня такое впечатление, вся страна, невзирая на возраст и пол. Там жарко, они раздеваются, бегают, собирают пыльцу, которую потом вместе с п#том соскребают с себя, получается так называемый план или пластилин.

– То есть это стандартный способ добычи? – поморщился кто-то из дам.

– Да, стандартный, – важно кивнул Веня, – я сейчас отошел именно от этого продукта, но когда колбаса стоила два двадцать, коробочек плана стоил пять тысяч рублей. Далее у растения есть соцветия, которые собирают, высушивают на солнце, протирают, просеивают, это получается марихуана. Из верхних листиков делают таким образом гашиш. А есть когда просто под корень рубят, просеивают и получается так называемая трава, или анаша, или дурь. В застойные годы это был основной продукт, который поступал на наш рынок. Далее существует гораздо более серьезная вещь – это опийные наркотики, их собственно два – опий и героин. Если первое просто растет и его надо только собирать, то второе надо выращивать, это технологически сложно.

– А еще? – выдохнули дамы.

– И наконец, третий наркотик, который мало представлен на нашем рынке, потому что дорогой, растет он только в Латинской Америке, это кокаин, – взмахнул Веня ладонями. – Он приготавливается из растения коки, которое требует очень тонкого ухода, регулярного полива, большого количества воды, но степень действия наркотика очень велика и действие специфично, поэтому он раз в десять дороже героина. Сейчас грамм героина в Москве стоит порядка пятидесяти долларов, грамм – это три-четыре дозы. Есть еще так называемый героин для бедных, это первинтин, или «винт». Он делается из большого количества составляющих, получается что-то, что загоняют себе в вену. Все остальное – это экзотика, оно не имеет промышленных масштабов. Что касается объемов, то в 90-м году мы работали в Киргизии, Казахстане, тогда удалось уничтожить полностью весь опий в нашей стране. Это было сделано усилиями 25 человек межрегионального отдела по борьбе с наркобизнесом. То, что я слышал сейчас, не знаю, насколько эти цифры правильные, суточный оборот героина через Москву составляет двадцать тонн. Чтобы представить себе, что это такое, если бы все это оставалось в Москве, то означало бы, что 6 миллионов человек в Москве плотно сидят и два-три раза в день колются. Учитывая, что многое идет транзитом, я думаю, что миллиона три в Москве колются.

– В Москве три миллиона на героине? – недоверчиво воскликнули дамы.

– Я повторяю, я не могу дать официальных цифр, у меня их просто нет, это мои домыслы, – отмежевался от цифры Веня. – Теперь, что касается того, почему люди на это садятся. Повторяю, что все, что я буду рассказывать, я знаю понаслышке, потому что сам ни разу не пробовал. Что такое наркотическая зависимость? От анаши, марихуаны, говорят, возникает легкое, очень приятное состояние, яркие образы, мозги становятся ясными, обостряются сексуальные ощущения, если есть какие-то проблемы, они отходят на задний план, жизнь кажется замечательной. После этого человек чувствует себя плохо, наступает некое похмелье, голова болит, но достаточно опохмелиться, и сразу становится хорошо. Без этого человек может прожить неделю, месяц, поэтому возникает скорее психологическая зависимость.

– Так это не так страшно? – с надеждой поинтересовались дамы.

– С наркотиками более тяжелыми, с героином, с «винтом», возникают какие-то видения, яркие образы и уже чисто физиологическая зависимость, – посуровел Веня. – Существует множество физиологических изменений в организме при их приеме, расширяются сосуды, улучшается кровоснабжение мозга, но и похмелье гораздо более серьезное, тахикардия, руки трясутся. И человек уже готов на все, чтобы даже не испытать кайф, а просто выйти из этого состояния, потому что оно ужасно. Теперь, откуда это берется и почему распространяется. Потенциальный путь к наркомании – это: где-то дали попробовать, на «слабо». Попробовал, вроде хорошо, дали второй раз, потом это становится какой-то частью компании, это принято, и человек начинает этим жить. Потом стресс, человек переходит на что-то более тяжелое, начинает со временем не хватать денег…

– И он идет на преступление? – захлопали глазами дамы.

– Воровать страшно, ему говорят, а ты проведи сетевой маркетинг, приведи кого-то, и человек уже становится не только потребителем, но и распространителем. А кому это вообще все надо? Здесь как раз тот случай, когда не спрос порождает предложение, а предложение порождает спрос. Это совершенно восхитительный бизнес, который дает 1000–2000 % прибыли, поэтому существуют распространители, которые, на мой взгляд, достаточно хаотичны, ходят они, ищут покупателей. С одной стороны, это хорошо, потому что с неорганизованной массой бороться легче, она хуже оснащена и осведомлена, а с другой стороны, их больше, с множеством тараканов сложнее бороться, чем с одним слоном. Есть еще одна особенность, склонность к мошенничеству не миновала и эту область. В Москве сейчас довольно сложно купить героин, в котором нет муки, стирального порошка, зубного порошка или еще чего-нибудь. Был даже такой курьезный случай, когда нам пытались подсунуть вместо партии героина муку, чт# в этой ситуации делать, совершенно непонятно, – слово «нам» Веня выделял, как в Малом театре.

– И что вы делали? – заволновались дамы.

– Давайте о другом, – значимо перевел тему Веня, – теперь, чем это плохо? На это нужны деньги, а принимают в основном люди малообеспеченные, девяносто девять процентов, и для того чтобы оплатить это дело, они прибегают либо к распространению, либо к незаконному изъятию материальных ценностей у честных граждан. Вся волна квартирных краж, магнитол и подобного… Сейчас очень модно с «Газели» снимать коробки передач. Вырывать вечером у женщин сумки и мобильные телефоны. Потом все это за копейки сбывается кому угодно, дальнобойщикам, торговцам с рынка. С этим очень трудно бороться, потому что они не профессионалы, в картотеке не числятся. На мой взгляд, это национальная проблема, потому что у нас пьянство уже искалечило генофонд, а с наркоманией в этом плане еще хуже. Во-первых, хорошо подсевший наркоман в среднем живет лет пять-шесть, рано начинают, соответственно рано заканчивают. Во-вторых, за это время они проживают какую-то фантастическую жизнь, я читал несколько дневников, это просто невероятно, я такую жизнь не прожил, настолько эмоционально насыщенную и с таким количеством негатива. В-третьих, если они дают потомство, то это потомство безнадежно больное, потому что это не фильтруется, а откладывается в почках, печени, нарушает мозговую деятельность, работу сердца и вызывает необратимые изменения. Кстати, когда возникают какие-то природные катаклизмы, то хорошо подсевшие наркоманы дружно мрут, летом, когда была жара 35 градусов, было дикое количество смертей. Причина смерти в основном – острая сердечная недостаточность, это в 16–17 лет! Существует мнение, что большая часть наркотиков, поступающих к нам, уже заражены СПИДом.

– Это может быть реальностью? – спросил кто-то из продвинутых дам.

– Я об этом не слышал. Только те наркотики, которые колют, можно заразить. Хочу сказать о том, что нас ожидает, – это хуже СПИДа. Появился новый наркотик, называется он «китаец», известно, что он идет откуда-то с северо-запада, что это чистая химия, по сте-

пени воздействия как героин, а доза – буквально пылинка. Плох он тем, что обнаружить его невозможно, а вышли на него, потому что было несколько случаев передозировки, а признаков героина никаких. Сейчас это уже дошло до Москвы.

– А как понять, кто является распространителем, а кто потребителем, если человека просто ловят с наркотиком? – заинтересовались дамы, равнодушные к «китайцу».

– Есть различные должностные инструкции, считается, что партия, предназначающаяся для сбыта, начинается с одного грамма. То есть один грамм – это та доза, за которую можно подвергаться уголовному преследованию, а чтобы доказать распространение, нужно, чтобы был зафиксирован факт покупки и факт продажи. Есть такая жуткая практика, что обычно решения о том, было распространение или нет, принимаются на усмотрение сотрудников, которые с этим столкнулись.

– Какой, по-вашему, должен быть основной путь борьбы с наркоманией: пресечение поставок или воспитательная работа с молодежью? – убито спросили дамы.

– После ряда пертурбаций, называемых перестройкой, практически исчез противодействующий аппарат, а с другой стороны, стали более прозрачными границы и появился зарубежный рынок. У меня такое впечатление, что Афганистан – это одно сплошное маковое поле и изредка следы гусениц, трупы талибов и воронки от бомб. Наши житницы, Узбекистан, Казахстан, где стояли элеваторы, превратили эти элеваторы в почти легальные заводы по переработке героина. Все это начинается с толстых потоков, которые потом разделяются на ручейки, которые приходят к нам. Самое эффективное – это пресекать самые толстые потоки, которых на сегодня три. Это толстенный трубопровод через Таджикистан и Чечня, Дагестан, где идут наркотики из Китая, из Таиланда, из Афганистана.

– А насколько эффективна борьба с наркотиками в связи с коррупцией?

– Можно ли истребить все наркотики? Да, в 90-м году силами 25 человек при содействии войсковой части вертолетов и местного ФСБ были полностью ликвидированы все опиесодержащие наркотики в Средней Азии. Просто надо, чтобы кому-то было нужно. Очень показательный пример, когда мы работали в Джамбуле, мы кого-то отлавливали, но в целом москвичам очень сложно внедряться в местную среду, создавать агентурную сеть. Потом кто-то наверху договорился с местным ФСБ, у нас с ними рейд был, если обычно мы ловили 20 человек в неделю, то тут мы сразу поймали 80. Мы просто пошли по конкретным адресам, которые у них были, и весь Джамбул был очищен от наркотиков. Мы спросили у них: ребята, а вы что – всех здесь знаете? Да, говорят, знаем. А почему не занимаетесь этим? Команды, говорят, не было, дали команду, вот мы и сходили на субботник.

– А какой наркотик самый опасный? – уже почти всхлипывали дамы.

– С точки зрения привыкания и социального зла – героин, а с точки зрения нарушения санитарных правил мрут больше всего от «винта», – прищуривался под очками Веня.

Я успокоилась, вечер удался. Цвет костюма и вид черных очков в стиле «Джеймс Бонд из Малаховки» постепенно смылились в пафосе Вениного повествования. И он, как очень артистичный человек, все глубже и глубже входил в роль правильного милиционера, последней надежды и опоры общества.

…Мне уже было неохота вспоминать, что за последний месяц, ежедневно отчитываясь передо мной о проделанной работе и жизни, Веня ни разу не упомянул героическую ловлю наркоторговцев. Да и потом если отчитывался, то часто путался в показаниях. Бросал:

– Меня вечером вызывают в участок.

А через день рассказывал:

– Позавчера вечером было мне скучно, я повез эту суку, Беби, в кабак, все сделал, как она хотела. Что ты думаешь? Не дала…

– А как же участок, Веня? Тебя же вызывали, ты говорил…

– А… Там быстро побазарили.

То есть иногда у него образовывался постельный режим и жалобы на то, что его били по почкам и теперь он писает кровью, или ушиб чего-то, но если честно, то за полтора года общения я так и не увидела реальных примет Вениной милицейской деятельности. Кроме рации и пистолета, коими к нашему времени были снабжены вся мелкая шпана и ларечники.

– Давай что-нибудь такое замутим, – в очередной раз предлагал Веня, но дальше тусовки, гостей и его самодемонстраций дело не шло.

В свете я опережающе представляла его неполовым партнером, поскольку не считала, что слухи о романе с подобным героем красят мою репутацию. Друзья мои к нему постепенно привыкли. Беби успокоилась, поняв, что нам с ней нечего делить; моего женатого возлюбленного вполне устроило, что я хожу по мероприятиям с безопасным для него героем, и все стабилизировалось. Стабилизация близких отношений, не наполненных духовной нуждаемостью друг в друге, ведет к их смерти. Все уже понятно, дальше копать некуда. Почувствовав это, мы с Веней, видимо, бессознательно пытаясь не расстаться, придумали делать автопробег американских автомобилей из Москвы до Красноярска. Точнее, придумала это я, а Веня творчески оформил, развил и углубил.

Расставшись с партией Союз правых сил, образцово-показательно предавшей меня на выборах – исключение составляли только Немцов и Гозман, с которыми и сейчас пошла бы в разведку, – я ощущала дефицит масштабных проектов. И, памятуя о «Караване культуры» 1992 года, подумала, как славно было бы посмотреть Россию не с парадных подъездов, а с колес. И почему бы не отдать подобному занятию предстоящее лето?

У Вени вроде бы был опыт организации автопробегов клуба «Колумб». Другой вопрос, что они в основном ездили из Москвы в Тверь и обратно, пили в гостинице и снимали тверских девчонок вместо московских, но все же ездили. То есть все выглядело, словно Веня способен потянуть технически-организационную сторону, а я – организационно-пиаровскую. Не долго думая мы написали бизнес-план и начали ходить на переговоры.

Веня считал себя супершоуменом и, набирая воздуха в легкие, голосил на каждом шагу текст с собственно сочиненной агитки: «В начале тридцатых годов в период расцвета нэпа сверкающие хромом и лаком „кадиллаки“, „форды“, „паккарды“ и „студебекеры“ впервые вспороли ревом моторов вековую тишину российской глубинки. Первый автопробег, вошедший в историю через бессмертный роман Ильфа и Петрова, прошел, когда молодая Советская Россия только вставала из руин, тропы и направления начинали приобретать очертания автомобильных дорог, а символом грядущего экономического расцвета стало строительство первого автомобилестроительного гиганта в Нижнем Новгороде…»

Глаза у него горели, как у человека, ненадолго нашедшего себя, голос струился, спина выпрямлялась, ноги становились длиннее, а плечи шире: «Нынешний трансконтинентальный автопробег, запланированный на период с 10 августа по 5 сентября по маршруту Москва – Красноярск – Москва, задуман как празднование семидесятилетнего юбилея первого автопробега».

Я наблюдала за ним довольными глазами Куклачева за кошкой, научившейся наконец кататься на самокате, но бессознательное все-таки издевательски нашептывало: «Ничего не получится! Все врет! На что ты тратишь время? С кем ты связалась?»

– Слушай! – возмущенно отвечала я своему бессознательному. – Это всего лишь масштабная общественно-политическая PR-акция, освещаемая в СМИ. Подобные проекты и не такие персонажи вытягивают. В конце концов, я все держу под контролем. Этот кретин собирается заработать денег и утешить больное самолюбие! Он получит и то и другое. А вот лично я лично для себя проведу «общественно-инспекционную» оценку «бездорожья, разгильдяйства и бюрократизма» в стране по прошествии 70 лет. Мне для самой себя необ-

ходимо сокращение психологической дистанции между центром и регионами, мне надоело быть туристкой в собственной стране!

Я совершенно отчетливо представляла себе, как в колонну автомобилей садится куча звезд и журналистов. Уже переговорила на сей предмет с Бари Алибасовым, Андреем Вульфом, Алексеем Митрофановым, Ирочкой Салтыковой, Любой Воропаевой, Никасом Сафроновым, Петей Подгородецким, Машей Шукшиной, Владом Сташевским, Евгением Осиным, Сергеем Крыловым, Евгением Кемеровским…

Уже поприсутствовала на переговорах по поводу передвижной станции спутниковой связи для трансляции мероприятия в режиме реального времени. Договорилась о полной телеверсии по результатам автопробега. Уже пошел слух о наших пресс-конференциях и гала-концертах на центральных площадях Нижнего Новгорода, Казани, Перми, Екатеринбурга, Тюмени, Омска, Новосибирска, Кемерова и Красноярска.

В переговорных кабаках и кабинетах Веня бойко произносил:

– Основу автопробега составят автомобили последнего модельного ряда концернов «General Motors», «Chrysler», «Ford», «ГАЗ», грузовые автомобили и автобусы «International», раритетные автомобили клуба «Колумб». Возглавит колонну, в качестве «Антилопы-Гну», «паккард-кабриолет» 1929 года. Началом PR-компании трансконтинентального автопробега станут его презентация 13–14 июля в Москве на автомобильном фестивале «Экзотика» в Тушине и VIP-мероприятие в РК «Метелица» 18 июля.

А я похвалялась договоренностями и завязками в ветвях власти. Все ложилось в узор, звезды теребили: «А правда поедем? А то я от гастролей отказываюсь!»; несколько телеканалов согласились дать под трансляцию прямых включений эфирное время (тем более что речь шла об августе, который был политическим затишьем, когда показывать было нечего); несколько крупнейших компаний согласились взять на себя финансирование; несколько автомобильных фирм согласились предоставить ма-шины.

Ходить с Веней на переговоры было «огромным счастьем». Например, придя в кабинет крупной чиновницы из питерских, он решил разрядить обстановку анекдотом про то, что менты вытаскивают в Питере из лужи бомжиху и сообщают, что если она местная, то ей немедленно будет предоставлена работа в Кремле. В кабинете моего друга гея вспомнил глупый анекдот про голубых. Бездетным дамам говорил, что жизнь без детей не имеет смысла, а блондинам – что импотенты среди них встречаются во много раз чаще, чем среди остальных. Постепенно распространились слухи, что я хожу по кабинетам с неизвестным придурком, представляя его своим деловым партнером, и мне приходилось оправдываться, оправдываться и оправдываться… и все потому, что мне казалось, что Веня хоть и медленно, но все же обучаем.

Короче, мы шастали как Шерочка с Машерочкой по кабинетам, обедам и ужинам, и архитектура беспрецедентного автопробега звезд победоносно выстраивалась в воздухе, обрастая арками, колоннами и виньетками. Звезды должны были мчаться сквозь Россию-матушку, останавливаясь в каждом из пяти городов на день, устраивая концерты и общаясь с народом. Им предстояло увидеть страну и показать себя в натуральном соку, понять про себя и родину то, что совершенно не понятно и не видно в московской тусовке и гастрольном чёсе, и начать думать о том, как начать обустраивать себя внутри и страну снаружи.

Колонна автомобилей со звездами, телевизионщиками и организаторами должна была отправиться с благословления Арбатовой с Арбата, поскольку у Ильфа и Петрова автопробег начинался от города Арбатова. Американские раритеты собирались проделать путь до Красноярска на «фордовских» грузовиках, спускаясь на землю только перед въездом в города – дороги бы они не выдержали. Колонну должна была возглавить настоящая клубная «Антилопа-Гну», чудное авто, на котором, помимо Остапа Бендера, реально разъезжал Ленин. Мы

с Веней планировали сидеть в ней как президенты автопробега. Ему, конечно, очень хотелось еще и вести концерты, поскольку он считал себя гениальным конферансье. Но я, имеющая опыт организации «Каравана культуры», отчетливо понимала, что в городах мы будем бегать как шавки, разгребая оргвопросы.

Сопровождающее нас охранное агентство запросило приличные деньги, пояснив, что за Уралом нравы простые: шоссе перегораживается фурой, выходит большое количество людей со стволами, и им совершенно по фигу, сколько звезд и телекамер находится в машинах; они вытряхивают оттуда и тех и других одинаково быстро и технологично. Рекламодатели бойко спорили, чьи наклейки на машинах будут крупнее, производители еды намекали на термосы и холодильники. Телекомпании заревновали друг к другу. Депутаты прикинули, как это можно подклеить к предстоящим выборам… и т. д. А я все это время как сумасшедшая давала интервью о масштабе и сути автопробега.

Мои песни о российском возрождении через пробег на американских автомобилях воспринимались неоднозначно. Одни подозревали, что это часть большого рекламного проекта, с которого я собралась снять большие деньги. Другие начинали сомневаться в моем патриотизме. Третьи полагали, что это начало нового политкорректного телепроекта, в котором я сумею совместить политические и телевизионные амбиции. А тут у меня еще начались бессмысленно раздутые прессой отношения с эмигрантом именно из Америки. Эдакая вялая половуха с исполнителем шансона, пытающегося раскрутиться в России, которого очень занимало появляться рядом со мной в кадре. Меня это не смущало, поскольку хоть после этого люди перестали задавать вопрос:

– Когда ты уже наконец выходишь замуж за Веню?

Герой вялой половухи был немолодым, но вполне товарным плейбоем. Из тех, кто, потеряв половину жизни на выживание в эмиграции, потерял чувство реальности про «здесь и там», но физически вполне сохранил себя для употребления по прямому назначению. Звали его, скажем, Миша. Он был обаятелен, весел, отвязан и искренне полагал, что его скромное певческое дарование изнурительно нужно сегодняшней России. По крайней мере сумел убедить в этом доверчивую тетеньку из министерства, которая протыривала его всюду всеми правдами и неправдами. На одном из протыриваний мы и познакомились: я вручала премию, он – получал. Подробно изучив мою физиономию в нью-йоркских повторах старой телепередачи, Миша рухнул на меня как коршун на ягненка, предвкушая, сколько пользы можно состричь с отношений со мной.

Не то чтобы мои женские прелести были замечены им меньше, чем мои социальные; но вторые, как мне кажется, все же перевешивали. Миша бил копытами и делал все, чтоб нравиться. Он был высокий, яркий, харизматичный мужик. Прямо на банкете, после вручения премий, демонстративно увернулся от известной необъятной певицы, готовой с первого взгляда брать его в совместный клип. Не то чтобы ему не был нужен клип, просто его оглушил факт протыренной премии и моей благосклонности, показалось, что вот она, капризница-слава, положила руку на его плечо, и теперь все покатится само… и он отправился за мной, как крыса за крысоловом с дудочкой, а не за певицей, что, безусловно, было его роковой ошибкой.

Степень неадекватности Миши стала ясной в первые полчаса. За нашим столом оказалась главная редакторша светски-эротического глянцевого журнала, которая стала немедленно предлагать ему интервью, влажно произнося фразу:

– Всего за три штуки баксов!

Миша повел плечом, поднял бровь и томно ответил:

– Три штуки – конечно, не деньги… Но я готов их взять.

От гогота, накрывшего стол, в «Метрополе» закачалась люстра. Миша не представлял себе, что, став известным в нью-йоркской межпухе, может быть объектом внимания российского журнала даже самого низкого пошиба, не заплатив за это главной редакторше на лапу. Как у большинства эмигрантов, мир в его голове выглядел совершенно перевернуто. По всем имеющимся параметрам он оценивал себя гораздо выше, чем обитатели бывшей родины, и от этого образовывался огромный понятийный барьер, не понимая механизмов образования которого Миша карабкался к признанию.

После банкета мы с ним, моей подругой Ниной и маргинальным физиком, исполняющим у Миши роль директора, отправились в кафе «Пушкин». В «Пушкине» Миша, конечно, вел себя как среднеарифметический эмигрант: громко орал матом, говорил официанту «ты», недоверчиво вопил о высоком качестве еды и просил у администратора «политического убежища». Администратор делал брови домиком, но вежливо не задавал вопросов.

Несмотря на полную кашу в Мишиной голове, его напор, обаяние, остроумие и отполированное тренажерными залами тело устраивали меня на текущий момент. Правда, он производил вокруг себя столько шума и суеты, столько пения и монологов, что после встречи с ним страшно хотелось упасть в постель к глухонемому.

Через пару дней после знакомства собрались на очередное мероприятие, кажется, в «Кристалл». Увидев Мишу в машине возле своего подъезда, я онемела: поверх вполне вменяемого пальто на нем красовался огромный белый шарф.

– Эту похабель никак нельзя снять? – мягко спросила я.

– Вы тут в «совке» совсем не умеете одеваться! Когда я иду в этом шарфе по Нью-Йорку, все оборачиваются и говорят: вон пошел известный певец Миша, – возмутился он.

– Я не была в Нью-Йорке, может быть, в его цветных кварталах твой шарф и смотрится органично, но здесь все будут перешептываться: «Что это за клоун с Арбатовой?»

– Надо же влюбиться в такую стерву! – надулся Миша, но шарф не снял.

Правда, ближе к мероприятию обмяк и начал густо изображать моего хахаля, приникая ко мне при появлении фотографов, разбрасываясь визитками и выпрашивая чужие. То есть всеми правовыми способами ввинчиваясь в тусовку.

– Слушай, мне не жалко помочь тебе раскрутиться, но только ты уж как-то капельку приведи в порядок репертуар, не суетись на сцене, а главное, не суетись по жизни. Ты ведь немолодой человек, тебе надо вести себя королем, – посоветовала я Мише в конце вечера.

– Да я, блин, звезда, просто они еще этого не поняли! Я завтра буду везде. Пою говно, это да… Но ведь на приличные песни надо бабки – никто бесплатно не отдаст. И на клип надо бабки… Я в Америке записал клип за бешеные бабки, а что толку… – заныл он.

– Ладно, возьму тебя послезавтра на день рождения одной певицы, может, удастся выпустить тебя на сцену, – сжалилась я.

Я вечно кого-нибудь пристраиваю. А Миша на сцене смотрелся не хуже других, эдакий Азнавур с жутким репертуаром, но хорошими внешними данными. Да и вообще, хотелось помочь потому, что человек вернулся, совершенно исчерпав возможность жить в эмиграции, но боясь признаться себе в этом. И сам себе там больше был не интересен.

На день рождения певицы в вип-зал казино я его, конечно, притащила. И даже не успела открыть рта, как Миша снюхался с ведущим вечера, именинницей и звуковиком. Навешал им лапши на уши про то, как знаменит на Западе, какое влияние оказала на него данная певица, как трудно было приехать на ее день рождения, отказавшись от громких гастролей и престижных съемок… короче, минут через двадцать принявшая на грудь именинница, отшвырнув ведущего, представляла Мишу со сцены; а он, плотоядно оглядев публику, кивал звуковику: «Давай, Саня, третью дорожку!» Совсем не факт, что звуковика звали

Саней. Миша и с официантами общался: «Как тебя зовут, милый? Коля? Значит, водочки, огурчиков… Что там у тебя лучшее сегодня из горячего, Вася? Так вот его и тащи. И еще, Митя, водка должна быть из холодильника…»

Тем не менее публика была в восторге от его хрипловатой попсы, звуковик потом подошел к столу с глазами, полными собачьего восторга, а именинница мне подмигнула: «Тебе идет этот парень! Давай я ему помогу…»

Услышав о Мише, Веня нахохлился:

– Теперь ты с ним будешь тусоваться на вечеринках? А потом выйдешь замуж и нашей дружбе конец! Вот у меня был друг, вместе были на войне, а потом женился, пошли другие проблемы: пеленки, распашонки, мебель, квартира…

На какой именно войне, никто уже Веню не спрашивал, поскольку у него было несколько концертных номеров про то, как его взрывали, брали в плен, заставляли захватить аэродром и наркокартель. При этом каждый раз назывались новые географические точки.

– Во-первых, вечеринок хватит на всех. Во-вторых, я выхожу замуж только по любви! В-третьих, он женат в Америке. И, как люди немолодые, каждый из них ждет, что второй раньше загнется и не придется делить нажитое. А живет там не с женой, с которой прошел все тяготы, а с тетькой, которая выполняет команду на «раз» – лежать, на «два» – тихо. Да и о каком браке ты говоришь: он – пожилой амбициозный неудачник. Ты так представляешь себе моего избранника? – обиделась я.

Веня успокоился, и мы с новыми силами отправились по чиновничьим кабинетам.

Подготовка к автопробегу шла полным ходом, и я решила, что Миша будет там уместней, чем женатый возлюбленный. Во-первых, бесплатно споет, во-вторых, не будет шарахаться от телекамер и фотообъективов, а, наоборот, биться об них, как мотылек об лампу. Да и вообще в американском автопробеге брайтон-бичский певец будет вполне к месту, сможет в провинции вешать лапшу на уши о своей раскрученности.

Знакомство Вени с Мишей оказалось успешным, они были из одного теста, просто Миша в десять раз умнее. По возрасту он годился Вене в папы, хотя выглядел почти так же потому, что не вылезал из массажных кабинетов и спортзалов, в то время как Веня, рассказывая, что он «мастер спорта по всем видам спорта», не соревновался ни в чем, кроме литробола.

Миша заглянул к Вене в офис, оглядел Беби, сообщил, что со своей внешностью она могла бы сделать карьеру в Голливуде, немедленно шепнув мне на ухо: «Фабричная уборщица – зубы, как у лошади!»

Веня потек, как мороженое, и повис на Мише.

– Что у этого козла за фирма? – мгновенно включился Миша.

– Фигня, – открылась я, – поставка американских запчастей и русских блядей.

– Это как раз то, что мне надо. Я имею в виду первую часть. Он напишет мне бумагу на скидку от налогов! – засветился Миша.

Дальше они беседовали, как две гули, и, судя по суете Мишиных глаз, он уже прикидывал, как будет устраивать дневные встречи с партнерами в Венином офисе и проводить ночные со мной в Венином доме, чтобы не тратиться ни на то ни на другое.

Подходил июль, а в августе мы должны были выдвинуться всей своей американо-русской автоколонной. Нам уже пожимал руки представитель «Волги», пообещав все виды автомобилей. Нам уже показывал эскизы рекламы самый крупный страховщик страны. Нам уже предлагал меню самый крутой пищевик. Пиарщики масел и бензинов маслено заглядывали нам в глаза. Названия гостиниц и концертных залов летали в воздухе, как карты в руках фокусников, и оседали в списке мощнейшей продюсерской группы. Телемагнаты проговари-

вали эфирные условия, я подтягивала региональные рычаги через Совет Федерации. Встретила на тусовке Александра Волошина, объяснила, что это не коммерческий, а патриотически-шизофренический проект. Он ничего другого от меня и не ждал и с удовольствием подписал письмо о содействии автопробегу. Короче, все для фронта, все для победы…

Презентация автопробега на фестивале «Экзотика» была тускловата. Для тех, кто не знает, сообщу, что это ежегодный Тушинский аэродром, заполненный очень редкими и очень старыми автомобилями, мотоциклами, вертолетами, самокатами и их экзотическими владельцами. Кто там не был ни разу, может считать, что жизнь прошла стороной… Веня выставил автомобили клуба «Колумб», развесил транспаранты и расставил столики. Он носился возбужденней, чем Миша, которому предложили бесплатно спеть; принимал солидные позы, бросался на шею действующим и потенциальным членам клуба; короче, трудился, как начинающий продавец обуви под тяжелым взглядом старшего продавца. Информация об автопробеге словно легла на его плечи тяжелыми звездами погон, но об этом догадывался только он, а остальная часть «Экзотики» была к этому глубоко равнодушна. Правда, видя меня возле «паккарда-кабриолета» 1929 года, представители СМИ начинали щелкать затворами фотоаппаратов и задавать самые идиотские вопросы. И я с занудством экскурсовода начинала: «Неужели вам не известно, что мы с председателем клуба „Колумб“, Вениамином Козловым, являемся сопрезидентами автопробега Москва – Красноярск – Москва?..»

Конечно, самым ярким событием фестиваля был приезд Миши. Он, конечно, заявился только на вип-прием и, конечно, опоздав на сорок минут. Потом, конечно, начал бросаться на нужных людей самыми причудливыми способами. После того как местный глубоко нетрезвый префект со сцены пообещал проспорить миллион долларов на какую-то автомобильную тему, Миша поперся на сцену за данным миллионом. Сначала долго бодался с охраной префекта, потом долго бодался за микрофон с ведущим, потом долго бодался за миллион с префектом – и вместо миллиона получил визитку. С этой добычей торжествующе вернулся за стол, подмигивая и утверждая, что «всех сделал».

Потом завис на главе байкеров Хирурге вслед за тем, как я восхищенно отозвалась о качестве фигуры последнего. Вернувшись от Хирурга, скривился и многозначительно сообщил:

– Да он даже мединститут не закончил, тоже мне хирург!

Видимо, это ухудшило фигуру Хирурга и улучшило собственную фигуру в Мишиных глазах, и от моих глаз он ждал того же.

Не найдя возможности ни спеть, ни познакомиться с полезными людьми, ни заняться сексом со мной, Миша быстро заскучал и начал звонить по мобильнику. Тут я еще подвергла его остракизму на тему понравившейся машины:

– Хочу такую от тебя в подарок…

И Миша совсем занервничал, засуетился, заволновался, что куда-то опаздывает. Потом мы почему-то отошли от выставки и громким матом выясняли отношения на свободном куске летного поля. Помню, что это было очень кинематографично, хотя и не конструктивно. Я не испытывала к Мише чувств, которые могли тянуть на подобное выяснение. Но он, с одной стороны, обожал разборки с женщинами, с другой – ощущал себя глубоко униженным от того, что на таком огромном аэродроме и в такой огромной стране он никому не интересен, включая собственную даму сердца.

Мирил нас Веня. С одной стороны, он тоже обломался на теме значимости: никто на целом аэродроме не увидел его новых звезд на погонах, и Миша выглядел для него социально-близким. С другой – считал меня жестокосердой стервой, способной высказать мужчине все, что думает, потому как стерва от мужчины материально независима. Себе по жизни он в принципе нарисовал меловой круг и всегда спрашивал про предлагаемых мною для знакомства нормальных баб:

– Зачем я ей? У нее все есть!

Кончилось все на веранде Вениной дачи, где мы с Мишей смотрели друг на друга волком, а Веня суетился вокруг нас с полной кастрюлей фирменного блюда «ежики из риса и мяса», как свекровь, напуганная раздором между сыном и невесткой.

Мое сорокапятилетие планировалось праздновать в «Метелице» как презентацию автопробега. Вести это шоу Веня вызвался вместе со мной и даже купил для этого костюм приличного цвета. Миша, летающий раз в неделю из Москвы в Нью-Йорк, пытающийся в обеих странах схватить удачу за яйца и в обеих странах промахивающийся, висел уже на нас обоих, планируя через автопробег получить много российской славы и американских долларов. Периодически он подсылал нам с Веней очередного эмиграционного кретина, обещающего стать спонсором, на самом деле надеявшегося на нас заработать и жутко обижающегося, что у него это обломалось.

Я продолжала направо и налево давать интервью об истории, дизайне и достоинствах американских автомобилей, учитывая, что водила один из Вениных «шевроле» всего дважды. Первые дни, когда в общении прослеживалась ненавязчивая эротика, Веня дал мне два урока езды на коричневой машине, длинной, как автобус. Но как только формат отношений стабилизировался, не нашел времени для продолжения уроков, хотя изнывал от безделья. Да и зачем? Я была ему мамой, старшей сестрой, боевой подругой, вдохнувшей энергию и наполнившей его бессмысленное существование процессом обустраивания проекта века. Он охотно возил меня на двух своих американских крокодилах, кормил в ресторанах, опекал и сопровождал на переговорах, топил в сентиментально-хвастливых историях из своей жизни.

Однажды нам даже пришлось, давая интервью дуре из автомобильного журнала, катать ее в час пик по Садовому кольцу в открытом белом «кадиллаке» примерно моего возраста. После чего дура написала, что я владелица «кадиллака», автопробега и прочей московской движимости и недвижимости.

Потом я позировала в Венином доме для программы «История в деталях», Веня выезжал к оператору на трех американских раритетах подряд, в результате все это было прокомментировано голосом за кадром: «Понятно, что Мария Арбатова таким образом готовится к предстоящим выборам, вопрос в том, кто именно финансирует в таких масштабах ее избирательную кампанию?» Журналисту либо не хватило мозгов понять, что не бывает избирательного округа величиной от Москвы до Красноярска; либо он решил, что предстоят президентские выборы и именно в новые российские президенты я и намылилась на старых американских автомобилях.

Кстати, о выборах. Мы решили подгадать финал автопробега к концу губернаторских выборов в Красноярске и заодно поддержать Хлопонина. Который при всех своих минусах всяко был приятней Уса. Глубина Вениных представлений о политике, конечно, не предполагала подобных осмыслений, и такие решения принимала я. Веня скорее хотел посадить в автопробег Жириновского и свинтить с него денег или повезти в Красноярск конкурс девиц типа «Мисс открытие Америки». К обоим предложениям я относилась с одинаковой брезгливостью, а Веня бегал вокруг и возмущенно выкрикивал: «Ты не знаешь жизни! Думаешь, они нам под патриотизм и высокое искусство денег дадут! Если нам денег и дадут, то только под блядей!»

В формате Вениного образа мира это так и было, в существование иных форматов он искренне не верил, подозревая, что все вокруг думают, чувствуют и живут ровно так, как он, просто фальшивят для какой-то загадочной для него выгоды.

Одной из Вениных фишек была продажа дома у реки. Периодически, напиваясь, он голосил, что ему тесно, пусто, душно, скучно, нудно и мерзко жить в доме, построенном для

кинувшей его дамочки… В подтверждение этого периодически делал вид, что продает дом за полмиллиона долларов, и принимал потенциальных покупателей. Соотношение цены, качества и права собственности дома было таково, что купить его мог только глубоко умалишенный, но у столь глубоко умалишенных не бывает таких больших денег.

Однако это было эффективным способом клейки полезных знакомых. Веня тут же винтом вдруживался в них с джентльменским набором: напитки, баня, девочки. Одним из «покупателей» оказался бизнесмен из Красноярска. Ему очень понравилось все в Венином городке, особенно причал и сам Веня. Исключение составлял дом. Красноярский парень недавно купил яхту и совершенно не понимал, куда эту хрень поставить, как ее водить и извлекать из нее удовольствие, эквивалентное потраченным ста тысячам баксов. Веня знал и то, и другое, и третье. Он предложил поставить ее на свое место на причале, поработать капитаном, организовать яхтенный досуг… но под все это получить финансирование красноярской части автопробега. Красноярский парень ударил по рукам, и Веня, убрав свой студенческий катер, предстал перед соседями и знакомыми в качестве яхтовладельца.

Красноярский парень был красивый, умный и насквозь простреленный; таких, как Веня, щелкал пальцами. Так что дружба состоялась в формате того, что яхта стояла на Венином месте, еду и девочек в нее грузил Веня, водил яхту тоже Веня, а тема финансирования постепенно рассосалась.

Мне дважды удалось покататься на этом милейшем средстве передвижения. Первый раз через день после ее поселения в Вениной акватории. Веня провел мне и моим сыновьям экскурсию по внутренностям яхты, но на уговоры «сплавать» не поддался, рассказывая что-то страшное и сложное про дорогое горючее. Не прошло и часа, как к дому, на веранде которого мы вчетвером пили чай, подбежали охранник поселка и мокрый возбужденный взъерошенный парень:

– Там девчонка тонет… Водный мотоцикл заглох… Вода поднимается, темнеет… Тонет девчонка!

Охранник поселка был в курсе того, кто у нас в стране главный бэтмен, а посему не вызвал береговых спасателей, а прямиком повел парня к Вене. Из сбивчивого рассказа парня стало ясно, что девчонка не столько тонет, сколько ждет подмоги со сломанным водным мотоциклом и находится довольно далеко от данного места. Что парень пробежал уже пару километров по берегу и все встреченные послали его в понятном направлении, поскольку он почему-то обращался за помощью не к специально обученным и получающим за это деньги людям, а к мирным жителям побережья.

Всего этого, естественно, было достаточно, чтобы Веня прыгнул на яхту и начал заводить мотор; а я, мои сыновья и возбужденный парень последовали за ним. Яхта оказалась хороша, выжимала приличную скорость, не сильно ревела и была оформлена внизу под дорогой гостиничный номер. Веня любовался собой на капитанском мостике, периодически давал мне порулить и резко обрывал болтливого гонца. Через некоторое время возле берега на каменной приступочке нами была обнаружена девушка в купальнике со скорбным видом и не заводящимся водным мотоциклом.

Мотоцикл втащили на палубу, девушка живенько взобралась сама, а Веня, пару раз обругав бестолкового парня, накрыл плечи спасенной купальщицы курткой.

По его лицу было видно, что завтра он будет показывать прекрасную незнакомку в поселке, объясняя, какими героическими усилиями отвоевал ее у речной стихии. Девушка была простоватой крашеной блондинкой из Молдавии и не сильно озадачивалась технологией спасения.

– Слушай, я тебя где-то видела, – указала она на меня пальцем, – ты в тренажерник в Текстильщиках не ходишь?

– Нет, – успокоила ее я.

– А на рынке в Кузьминках не торгуешь?

– С точки зрения возрастной принадлежности вам уместнее было бы обращаться ко мне на «вы», – холодно пояснила я девушке.

– Ладно тебе пальцы кидать… – надулась она, – ну, я тебя, бля, точно где-то видела… А мы с подружкой с Молдавии приехали подзаработать немного. Села на велосипед с этим муделем, а тут такая шняга…

Продолжать дискуссию мне не показалось перспективным, и я ушла ближе к носу яхты. В концов концов, объект спасения имеет право иметь любые мозги и любое воспитание.

Добравшись до Вениного домика, девушка начала звонить, чтобы за ней приехали, в привычной ей лексике, но с невероятно виноватой интонацией. Не прошло и получаса, как к пирсу причалила лодка, набитая бритым «бычьем». Темнело, и я могла отойти подальше, чтобы, не будучи узнанной, просмотреть мизансцену из партера. В центре лодки встала во весь рост точно так же крашенная блондинка в точно таком же купальнике и громко обратилась к подруге с обвинительной речью. Чтобы текст речи не состоял из не сильно разбавленного мата, обращусь к телевизионному приему замены оного на пиканье.

– Ты, коза, «пик», какого «пик» мотоцикл «пик»! Да он, «пик» «пик», бабок стоит! С меня за него «пик», шкуру бы с живой «пик»! Куда ты, «пик», на нем «пик» «пик»? Тебе там мало было на свою «пик» приключений?

– Да я, «пик», чуть не утонула, «пик»! – жалобно отвечала спасенная. – У меня, «пик», этот, «пик», мотоцикл, «пик», перегорел!

– А ты, «пик»! – вступил в диалог один из «быков». – Да мотоцикл чинить, «пик», дороже, чем десять таких «пик», как ты! Да я тебе, «пик» «пик» «пик „пик“! Да ты у меня „пик“ „пик“ „пик“!

Никакой юридической платформы защищать права спасенной у меня не было, тем более она и не просила. А торопливо побежала в лодку, не оглянувшись по дороге на спасителя и сбросив Венину куртку на песок. Закончив с девицей и пообещав ей достойную расправу, что ее совершенно не смутило, «быки» начали привязывать мотоцикл к лодке. Спаситель Веня суетился, помогая им, совсем забыв о роли бэтмена, милиционера и дамского угодника. Как настоящий антигерой, он легко вписался в иерархию «бычьей» тусовки снизу при том, что находился на своей территории. Это выглядело настолько омерзительно, что я даже не сразу поняла, что возбужденный вестник испарился с территории поселка, как только лодка причалила к берегу. И только по обрывкам фраз честной компании смогла подтянуть сюжет под фабулу.

Короче, две молдавские спортсменки – вида спорта я так и не определила, но обе почему-то с очень короткими и толстыми шеями – приехали в Москву заработать телом. Компания «быков» из соседних яхт-клубов сняла их для увеселения. Посреди затянувшегося увеселения одна из спортсменок решила подзаработать внутри сюжета и укатила на «бычьем» водном мотоцикле с парнем из их обслуги. По закону подлости мотоцикл заглох прямо посреди воды, парень из обслуги перепугался огласки не меньше, чем сама девица, и не обратился в береговую охрану. А мы доблестно упростили досуг «быков» с проститутками. Собственно, ничего страшного ни в произошедшем, ни в том, что Вене не сказали «спасибо». Как говорит одна моя подруга: «Красиво жить не запретишь, но и не научишь…»

Прелесть истории состояла в том, что через пару дней я услышала от Вени громко рассказанную историю про романтическое спасение девушки, которое вполне может закончиться… чем-то еще более романтическим… и содрогнулась от жалости к нему…

Второе катание происходило в похожей логике. Веня заманил меня с подружкой в гости именно круизом. Ради этого пришлось три часа сидеть за столом в бессмысленном окружении и выслушивать Венины тексты. Наконец горячее было поглощено, и компания из

десяти человек цепочкой потянулась в сторону пирса с фруктами, сладостями и бутылками. Мне с подружкой, начинающим психологом, было совершенно неясно, почему круиз должен был опираться на такое количество жратвы, но остальная компания не видела в этом ничего странного. Когда публика разместилась на палубе, расставив рюмки и тарелки, Веня гордо взмахнул головой и сказал: «Ну, с богом…»

Представились бескрайние просторы, наполненные акулами, пиратами, дельфинами, сиренами и штормами. И показалось, вот оно, настоящее… ради которого население внутримосковского побережья круглосуточно делает деньги, ненавидя это занятие; подставляет друзей и теряет любимых; рискует жизнью и честью, чтобы потом однажды… на яхте-красавице, стоимостью от ста тысяч долларов, понюхать морского ветра, испытать себя в приключениях, наполнить все клеточки тела густым драйвом и вкусить желанной свободы.

Яхта вздрогнула и рванула в сумерки, Веня подставил мелким брызгам горделивый профиль, Беби налила себе шампанского, парочки обнялись на палубе, а мы с подружкой приготовились к настоящему кайфу, но… минут через двадцать яхта остановилась, Беби потянулась за ломтиком ананаса, пары с палубы попросили передать им тарелку с тортом, а мы с подружкой обиженно переглянулись.

– Чего стоим? – строго спросила я Веню.

– Приехали, – торжествующе пояснил Веня. – Это наш Манхэттен.

Мы торчали в сумерках круглой акватории, над которой сверкали огнями совковые силуэты высоток Серебряного Бора.

– А дальше? – завопили мы с подружкой.

– А дальше нельзя. Дальше шлюзы, там надо специальное время выбирать, пропуск и ваще… ты посмотри, какая красота! – упорствовал Веня.

– Подожди-подожди, так вы сюда в основном и мотаетесь?

– Да, это наше место… здесь все яхтсмены друг друга знают.

– И что вы тут делаете?

– Ну… Едим, пьем, разговариваем… Если бы ты пришла с любимым мужчиной, могла бы воспользоваться каютой внизу.

– Подожди-подожди, но зачем тащиться через пару станций метро на яхте, чтобы заниматься в каюте сексом?

– Романтично…

Мы с подружкой переглянулись.

– Покупать яхту, чтобы пить, жрать и заниматься в ней сексом в двадцати минутах от дома?

– Ну, яхты покупают занятые люди, им на Канары плавать некогда, они туда летают… – поднял бровь Веня, полагая, что подружка не спросит у меня, его это яхта или дали поносить.

– Символ «новорусской» жизни. Знаем «почем» – не можем ни за какие деньги купить информацию «зачем»… – вздохнула подружка.

Веня отошел покрутиться к столам, потом вернулся со скорбным видом, сильно приняв коньяка. Оглядел звездное небо, сел возле нас с подругой на пол и многозначительно начал:

– Если бы ты знала, как мне ненавистен этот мир, в котором все решают деньги… как одиноко и невостребованно я чувствую себя посреди этих особняков и яхт! Как хочется все бросить и уехать на простое понятное дело! Например, на войну…

При слове «война» из Вениных уст сразу захотелось выйти вон, но выйти было некуда, разве что в прохладную темную воду Серебряного Бора. А Веню развозило все больше и больше, в ход пошел весь набор «о доблестях, о подвигах, о славе…». Я сместилась к столу с шампанским. Беби, проходя мимо и услышав очередное «когда я беру в руки „Калашников“…», брезгливо переступила через Венины ноги и составила мне компанию. Финал оставалось выслушать подружке, начинающему психологу, и это было для нее хорошей практи-

кой… поскольку подобную пургу будут нести девять десятых из ее будущих состоятельных клиентов мужского пола.

Веня сидел на полу и чувствовал себя Печориным, хотя не дотягивал даже до Грушницкого. Похолодало. Было пора ехать, но его никак нельзя было вернуть в вертикальное и работоспособное состояние. Тут из темноты вырвался шумливый катер с шумливыми пассажирами. Он подобрался к нам практически вплотную, и оттуда возник Венин сосед Туркин. Тот самый, из-под которого ему досталась неблагодарная Беби. Тот самый, на которого Веня изо всех сил пытался быть похожим, поскольку Туркин был таким же великовозрастным уродом, не понимающим, куда он и как, как и Веня, но смотрелся при этом более плейбойски.

Ходил в белых штанах, ездил в машине с номером, называющимся «Костик», ежедневно находил по Интернету девушку и перед тем, как ее оприходовать, демонстрировал всему населению яхт-клуба. За этим, понятно, стояла своя душераздирающая история про то, как Костика не по делу посадили, а жена тут же смылась с деньгами. И вместо жены Веня вынимал и выкупал Костика из мест не столь отдаленных, где ему отбили почки и, видимо, часть мозгов.

По всему периметру Костика было написано: «Все бабы суки, а я – клевый!» И на эту незатейливую надпись активно бросались маленькие девочки из неблагополучных семей, считающие большой удачей покататься на иномарке и поночевать в домике на берегу реки.

Костик был вполне милый и доброжелательный, хотя такой же бессмысленный, как и Веня. Отношения в этой паре складывались так, что Веня в свои сорок хотел быть Костиком, а Костик в свои сорок хотел быть двадцатилетним обалдуем без единой мысли. И у него это иногда вполне получалось.

Итак, Костик, принявший на своем катере со своей компанией не меньше, чем Веня на своем катере со своей компанией, орал удалую песню, таращился мутным взором, долго решал, перелезать к нам или оставаться в катере, и наконец отплыл по вине большой волны от соседней яхты.

На следующий день, дав себе слово больше никогда не участвовать в плавательных сюжетах яхт-клуба, я краем уха услышала, как Веня описывал наш маршрут сотрудницам офиса. Ясное дело, что наша яхта была самой крутой во всей акватории, а наши напитки и ананасы самыми алкогольными и ананасными, но в центре действа на катере возник догонявший нас Туркин и, увидев Беби возле Вени, устроил страшную сцену, так что, если бы не волна, отнесшая катер, быть кровавой вендетте… Поймав мое выражение лица, вдруг вспомнил, что я находилась ровно в эпицентре событий, и обиженно вскрикнул:

– И что, что ты была там? Ты могла не все видеть!..

Напоминать, что Бебина машина через день стояла у Вениного дома, а Туркин заходил к ним каждый день, было бестактно и бессмысленно. Ведь Вене очень хотелось увести Беби у Туркина, потому что это делало его немного Туркиным. Ведь Веня так хотел быть Туркиным! Ну если не Туркиным, то хоть кем-нибудь!..

…Итак, к презентации в «Метелице» Веня подогнал штук восемь американских раритетов, собравшихся с нами в путь. На концерт явились все звезды, планировавшие отправиться по лабиринту российских дорог. Повара полностью отдались горячему. Официанты разложили все салаты и нарезали все фрукты. Кондитеры выложились на именинном торте. Количество прессы превысило мыслимые размеры. Но накладки начались с первого аккорда.

Растяжки над Калининским проспектом извещали, что празднуется день моего рождения и презентация новой книги. Ну, раз писательница, значит, новая книга, решили авторы растяжек. Поднять голову и прочитать это мне было некогда, так что лично я пришла с наме-

рением сильно презентовать автопробег и немножко день рождения. Новая книжка, правда, была. И даже с моим портретом на обложке, сделанным Никасом Сафроновым. И должна была быть подарена каждому гостю, в том числе и самому Никасу. Но сообразительный пиар-отдел издательства вместо трехсот книг с моим портретом руки Никаса Сафронова привез сто с моим портретом руки Михаила Алдашина. Еще спасибо, что книги были мои, а не очаровательной Даши Донцовой, подарившей мне в этот день огромного оранжевого льва.

В каждом казино свой стиль. Например, «Метелица» на подобное мероприятие накрывает в центре зала столы для вип-гостей, а ползала остается людям, купившим билеты на громкий день рождения. Дело было в середине июля. Опасаясь, что весь вип разбрелся по лазурным берегам и зеленым островам, «Метелица» пригласила свой список, организующая фирма «Вульф-групп» свой, а я – свой. Большая часть гостей в списках пересекалась, но жара была градусов пятьдесят, и боялись пустого зала перед телекамерами.

«Метелица» знала в лицо свой список гостей, «Вульф-групп» – свой, я – свой. Непосвященные, конечно, не в курсе, что весь бар «Метелицы» забит проститутками, а галерка – «быками», приходящими сюда в надежде на немыслимый разврат. В целом и проститутки, и «быки» знают свое место, но тут почему-то понесло и тех и других. Народная любовь сделала свое дело, и они накупили мне солидных букетов, продающихся прямо у входа в зал. Ясно, что персонажей, входящих с букетом, администраторы бойко сажали за накрытые столы. И ровно через полчаса после начала мероприятия занятыми оказались как накрытые, так и не накрытые столы. Мои гости вальяжно прибывали, шурша цветочной и подарочной упаковкой, но на их местах воодушевленно ели и выпивали совершенно не понятные персонажи, на физиономиях которых было написано: «Кто раньше встал, того и тапочки!»

Поняв, что процесс неуправляем, я виновато объясняла гостям:

– Выхода нет, придется садиться в баре и пить за свои!

На многих это произвело глубокое впечатление. Например, две мои крутые питерские подружки полгода после этого совещались:

– Что ж там за вип был, если даже нас не посадили?

А усевшийся «вип», поняв, что праздник начался, вспомнил про растяжку, обещающую книжку, и начал неумолимо требовать эту самую книжку. Пиарщики издательства быстро разбросали сто экземпляров по самым страждущим, а страждущие кинулись к Никасу Сафронову за автографом. Увидев на обложке портрет работы «какого-то Михаила Алдашина», Никас обиделся и отказался давать автографы. Надо сказать, что Михаил Алдашин точно так же отказался бы подписывать книгу с портретом «какого-то Никаса Сафронова». Так что первым на меня обиделся Никас. Но это были цветочки.

Смесь моих гостей и проституток с «быками» начала причудливо коммуницировать в зале. Мне, собственно, было не до этого, поскольку я с Веней скакала по сцене и вела вечер. Скакание со сцены в зал было глубоко ограничено талантом моей подруги, знаменитой преподавательницы фламенко Лены Эрнандес. За день перед празднеством я заехала к ней со словами:

– Вчера в бутике видела такую юбку со шлейфом за триста баксов!

– Нарисуй! – потребовала Эрнандес, мешая одной рукой суп на плите, а другой рукой и ногой отгоняя от тарелки с колбасой, нарезанной для своих детей, пятнадцать своих кошек и трех своих собак.

– Вот! – гордо предъявила я эскиз юбки. – Только уж ты не опаздывай, концерт начнется с тебя и твоих девчонок!

– Триста баксов? – охнула Эрнандес. – Ты что, рехнулась? Я тебе такую за двадцать минут сошью из подкладочной ткани!

И сшила. Так что на сцене я каждую секунду запиналась о проклятый шлейф, хотела есть и пить, ничего не видела из-за слепящих прожекторов, молилась, чтобы от них не потекла тушь на ресницах, и истошно изображала, что «жизнь удалась».

Во-первых, попав на сцену, Веня перекрыл все собственные рекорды и превратился в стопроцентного поручика Ржевского. Стоя рядом, я могла только изображать величавость и томность, дающие ощущения, что ничего такого уж пошлого он и не говорит. Во-вторых, мельтешение в зале периодически всплескивалось эксцессом, который не шифровался со сцены. В-третьих, естественно, артисты приехали не в том порядке, как было написано в нашем сценарии, а как у них сложилось между другими выступлениями. В-четвертых, некоторых из них я видела в первый раз и до начала номера не понимала, будут они танцевать, петь или глотать шпаги. В-пятых, женатый возлюбленный за столиком прямо у сцены подвергался такому натиску полуодетой девицы, что хотелось сойти вниз и дать ей по башке микрофоном. В-шестых, пришел Миша в точно таком же джинсовом костюме, как на возлюбленном, и я решила, что у меня начались глюки. Потом он рухнул за стол, соседний со столом возлюбленного, и попросил с его стола то ли салфетки, то ли бутылку воды. Тут глюки кончились, и я напряглась.

Миша был фальшиво открытый брайтонский еврей, так что секунд через двадцать по законам жанра должен был поведать возлюбленному, как всякому первому встречному, что он прилетел ради меня и сейчас споет в честь моего дня рождения и нашей межконтинентальной любви. По логике жанра в ответ на это мрачный русский возлюбленный должен был немедленно принять литрусю водки и проломить Мише череп. Не только в силу огромного чувства ко мне, но еще и из ощущения чистоты жанра. Учитывая, что светские фотографы щелкали своими щелкалками каждую секунду, я живо представила себе первые полосы завтрашних желто-оранжевых газет с фотографией окровавленного Миши, разбитой посуды, запутавшейся в подоле юбки меня и пьяно-торжествующего возлюбленного. И если еще потом что-то можно было объяснить возмущенным женам победителя и побежденного, то совершенно непонятно было, как объяснить читателю, почему на них совершенно одинаковые джинсовые костюмы. И не проплатил ли всю эту акцию магазин «Джинсовый мир»… Короче, поняв, что массовка «не точно одета», я, как опытный режиссер, перенесла действие на другую площадку и предложила Вене тащить Мишу на сцену «по полной программе», не дав Мише прославиться на всю страну хотя бы фактом битой рожи.

Надо сказать, что за Веней не заржавело. Он привстал на цыпочки и заголосил о том, что так издалека, с такой любовью, с таким талантом, с такой красотой, с такой мужественностью… в тексте были даже нотки про гордость и желание подражать и быть похожим на Мишу, сквозь которые стежками шло про наши с Мишей глубокие, высокие и многозначно однозначные отношения. Миша пружинисто вылетел на сцену, взмахнул рукой и начал страстно открывать рот под фанеру. Мне ничего не оставалось делать, кроме как подпевать, поскольку данную пошлятину он пел при мне раз двадцать и даже моя кошка выучила слова. «Спокойно! – сказала я себе. – Сейчас по сценарию изображаешь воодушевленную бабищу поющего эмигранта. Народу хочется узнать, с кем ты спишь. Вот пусть и получает. Конечно, всех интеллигентных людей сразу стошнит. Но потом простят, решат, что и на солнце бывают пятна…»

Как человек, писавший первую половину жизни для театра, я не лишена сценической гибкости. Так что, несмотря на совершеннейшую китчевость происходящего, заставила сделать из себя пьяную расслабленную милашку и послать Мише воздушный поцелуй из своего угла сцены, заваленного цветами, как надгробие. Конечно, это было перебором, потому что Миша мгновенно скакнул в мой отсек сцены, хозяйски схватил меня за что-то округлое и

ровно в этой позе допел свое гениальное произведение до конца. Так что фотографы сумели взять нас с самых вкусных ракурсов, а физиономия возлюбленного за близлежащим столом стала темно-багрового цвета, и он начал демонстративно вливать в себя предполагаемую литрусю водки, ликвидирующую последние предрассудки.

Получив ожидаемое подтверждение слухов, народ утопил зал в овации; фотографы, сняв это самое подтверждение, свалили из зала, чтобы успеть снять что-нибудь подобное на параллельном мероприятии. Миша засиял, как начищенный самовар, и пошел клеить нужных людей, а я кубарем скатилась со сцены и заискивающе потащила танцевать возлюбленного.

– Что это за хрен американский? – угрожающе спросил возлюбленный.

– Да ладно, он тебе в отцы годится, – защебетала я.

– То есть не хочешь отвечать… – набычился возлюбленный. – Тогда я у него спрошу.

– Успокойся, это чисто пиаровская акция! Неужели ты думаешь, что я могу иметь отношения с подобным типом?

– Я сначала тоже так подумал, но он тебя так хватал… И было видно, что ты не против.

– Я не против? А вот что за девка танцевала с тобой все это время, когда ты был не против? – пошла в наступление я, отслеживая ужасающие Венины экзерсисы на сцене.

– Представляешь, это была проститутка! – испуганным шепотом просвистел на ухо возлюбленный. – Мы с ней пару танцев потанцевали, смотрю, прет как танк. Я сделал дистанцию. Тут она говорит: «Ты такой симпатичный, я готова сделать скидку!» Я чуть не рухнул.

– А откуда она взялась за твоим столом? – нахмурилась я.

– Так их сразу три. Мы с ребятами сначала подумали, что это какие-то твои подружки. Потом разобрались… Их тут ползала.

– А где мои гости?

– Кто где. Кто в баре, кто в соседний зал свалил, не выдержав наездов, кто еще сидит…

Я начала нервно оглядываться. Прямо у стойки бара от трех девиц отбивались самый крутой пиарщик страны вместе с президентом крупнейшего бизнес-сообщества. Присев на высокие табуретки с целью обсудить кремлевские перестановки, бедняги оказались в плотном кольце сладкоголосых сирен. На момент моего наблюдения одна из них расстегивала пиджак одному, а вторая терлась молодым задом о колени другого. Оторопевшие от такого сервиса, два несчастных гостя шарили по залу глазами в поисках специально обученных людей, способных защитить от сексуальных домогательств. Но напрасно!

За другим столом шло аналогичное побоище. Мой приятель, крупный бизнесмен, добропорядочно пришел на день рождения с женой и сыновьями. Сыновья были лет семнадцати и восемнадцати, но многообещающие гребец и баскетболист, так что выглядели вполне взросло. Какая-то глубокообкуренная проститутка в джинсовых шортах мило рухнула младшему на колени и начала было расстегивать «молнию» на его брюках, тут папа вышел из ступора и обратился к ней с доходчивыми заявлениями.

– А ты, мужик, если будешь мешать мне клиента снимать, получишь от моих людей по кумполу, – раздраженно предупредила проститутка.

Но тут из ступора вышла мама, а мамы, как известно, защищая деточку, могут смести стены. Однако, ретировавшись, обиженная проститутка начала носиться вокруг стола и сбрасывать с него рюмки и приборы. В результате чего мне через некоторое время передали:

– Господин Н. был на твоем дне рождения с семьей, жена у него симпатичная. Мальчики – красавцы, вот только младший привел свою девку-наркоманку, и она такое устроила, что всему залу было стыдно.

Собственно, весь пиар так и получается…

Моя – на тот момент – невестка, красавица Нина, помогала Вене в организации автопробега и вечера. Как всякая отличница, а особенно отличница психфака, она честно отвечала на вопросы мужчин в зале, только к финалу осознав суть диалога.

Мужчины спрашивали:

– Эй, ты тут работаешь?

Нина честно отвечала:

– Работаю!

Мужчины спрашивали:

– И почем тебе платят?

– Четыреста долларов! – отчитывалась Нина.

– Чего-то много… – недовольно отвечали мужчины, подробно разглядывая ее безукоризненную внешность.

Короче, от микста дня рождения и ярмарки секс-услуг в результате пострадали все, кроме меня, поскольку проститутки жеманно подходили ко мне, дарили шикарные букеты, купленные в фойе, и говорили:

– Ой, вы мне так нравитесь! Я все ваши книжки купила! Хочу быть похожей на вас!

Я улыбалась и обиженно думала про себя: «Лучше бы, дуры, сказали „спасибо“, что я на всех углах выступаю за легализацию проституции! Чтобы вас не убивали, не калечили и не заражали!»

Сумбур вечера помню лоскутами. Ювелир Милютин за что-то вручал мне золотой герб России с мелкими брюликами. Деть его было некуда, разве что в бюстгальтер, и я сунула его Вене в карман. Шоколадная королева Ира Эльдарханова вынесла шоколадного рака ростом с собаку, откусив от которого через день Веня сломал зуб. «Волга», обещавшая оснастить нас для автопробега всеми типами своей продукции, расшаркиваясь, подарила самовар… Мы с Веней сияли со сцены, как полноценные Остап Бендер и мадам Грицацуева; а гора цветов все росла и росла возле нас на сцене… и представители властной элиты в зале причудливо перемешивались с богемой, бандитами и проститутками под песни Салтыковой, Кемеровского, «На-Ны»… и мои сыновья, тогда еще начинающие барабанщик и бас-гитарист группы «Инки», морщились, что им придется играть свой хит в таком бардаке.

Вечер кончился всеобщим братанием и сестрением, а также воспаленными криками об автопробеге, в который все готовы были отправиться прямо из «Метелицы», прямо на выставленных перед ней американских раритетах. И никто не слушал моих слов о том, что не исключено, что мы, как группа «На-На», долго пиарившая подготовку к полету в космос, но так никуда и не полетевшая, можем никуда и не поехать…

Когда все отгремело, цветы увозили на трех машинах, оставив часть в «Метелице». Дома поняли, что они не помещаются даже в ванной. Пришлось, выйдя на улицу в полшестого, втюхивать букеты идущим на работу женщинам. Это оказалось нелегкой задачей, потому что российские женщины, идущие в такое время не от любовника, совершенно не готовы к восприятию халявных дорогих букетов. Они ломались, грубили, подробно объясняли, почему «нет»… короче, пили у нас кровь по полной программе и никак не осчастливливались насильно. Устав, мы сложили букеты курганом на газоне и притаились за окнами. Вид человека, обнаружившего на пустой утренней улице кучу дорогих букетов, бесподобен. Он радуется, пугается, оглядывается, копается в куче, выбирает букет, передумывает, бросает его в кучу, идет в свою сторону, возвращается, нервничает, забирает все букеты, потом все кладет на место, потом часть забирает с собой… И все это в спешке, пока не появился следующий прохожий. Короче, кино с Чарли Чаплином.

…Миша в свои шестьдесят жил настолько моложе, интересней и отвязанней Вени, что второй смотрел на первого завистливей, чем домашняя собака смотрит в период течки на бродячую. Миша позволял Вене обожать себя. А поскольку Веня обожал всех известных людей, и особенно себя в дружбе с ними, то они полюбились авансом. Им ведь одним не приходило в голову, что Мише, со всеми его достоинствами, слава не грозит ни минуты.

В нашем совместном общении их объединяла способность «дружить против меня». Один из моих главных недостатков – резать правду-матку – они воспринимали одинаково болезненно. Когда я начинала комментировать Венину жизнь, он забивался в угол и обещал с завтрашнего дня делать все по-новому. Когда в его присутствии я кому-то говорила правду, он сжимался и бросал укоряющие взоры, подтверждая тезис о том, что никто так не боится произнесения даже абстрактной правды, как люди, ежедневно врущие самим себе.

Мише я тоже любила вербализовать все, что думаю, но он с брайтонской веселостью махал на это рукой и подтверждал:

– Да, я легкомысленный, поверхностный, амбициозный… но какой клевый! Ты еще будешь гордиться мной!

Мысль гордиться Мишей в мою многоопытную голову не приходила. В этот момент любимый отвечал за сексуальную сторону моей жизни; Миша, полагая, что отвечает за нее же, отвечал за светскую. А какой мужчина на данном этапе мне нужен для счастья, я еще не понимала по причине свежести развода. Хотя отчетливо понимала, какой категорически не нужен. Миша был красивый громкий еврей, который все время выясняет отношения, которых нет, и так занят собой, что совсем не слышит, насколько он проходной вариант. Мне и в голову не приходило, что для большого количества эмиграционных женщин Миша так значим. Отсюда этого головой не понять. Отсюда кажется, какой там на фиг пожилой Миша, если улицы заполнены молодыми роскошными черными и латиносами! Но в эмиграционных резервациях своя правда… Так что после моих первых фоток с Мишей в обнимку в желто-оранжевых газетах Мишины фанатки начали подавать признаки жизни.

Они писали мне на сайт, на почтовый адрес и даже звонили. Из их сообщений следовало, что: Миша сидел за фарцовку, восемь раз женат и каждый раз на несовершеннолетних, живет в долг, перетрахал все, что шевелится, поет ворованные песни, имеет вставные зубы, красит волосы, скрывает три инфаркта, пьет перед половым актом виагру, никогда на мне не женится и не завещает мне свой американский дом…

По себе я уже знала, что любая популярность связана с агрессией тех, кто считает ее незаслуженной. Но всякий удар с точки зрения пиара надо отбивать мгновенно и громко. Таков закон жанра. Миша этого еще не понимал и начинал киснуть, предлагать провести независимую экспертизу подлинности зубов, волос и потенции, оправдываться, прикидывать «кто именно да за что именно…»… Я утешала, поясняя, что ярлык «развратник» в его возрасте красит, а ярлык «мошенник» в начале раскрутки – убивает. Но что в целом клевета – первый признак успешности. Он огорчался еще больше…

А тут ему понадобился клип; и я, как добрая мамочка, начала по его просьбе встречаться с придурковатыми клипмейкерами и невменяемыми инвесторами, поскольку сам Миша ориентировался в российской ситуации как вождь африканского племени на приеме у английской королевы. Конверсия из колбасного эмигранта в колбасного репатрианта давалась ему нелегко, что, впрочем, не мешало ему учить меня жизни с исключительным занудством.

По некоторым признакам Миша напоминал обоих моих мужей: пел и хохмил, как первый, делал понимающее лицо и сентиментальничал, как второй. По сути дела, я общалась с микстом из воспоминаний о браках, а он – с образом, созданным телевидением без поправок на монтаж и прочие спецэффекты. Так что с точки зрения душевного взаимопроникновения коммуникация выглядела как бесконтактное карате.

Он давно уехал из России, не отследил, когда выросло новое поколение женщин, не понимал, как с ними общаться, боялся феминизированных американок и при всем интересе ко мне не въезжал, почему я не встраиваюсь в его нишу. Он не чувствовал, где кончается контур моей личности и начинается контур имиджа, путал все в одну кучу и этим не располагал к серьезному человеческому отношению. Миша был успешен в эмиграции, а в чужой культуре наиболее успешно выживают наиболее эффективно законсервировавшие вывезенный «доэмиграционный мир».

Пытаясь понять, он, например, говорил:

– Докажи, что ты феминистка!

На это оставалось ответить:

– Для меня доказывать, что я феминистка, – все равно что для тебя доказывать, что ты еврей.

Он задумывался. На следующий день возобновлял вопросник:

– Интересность мужика, в числе прочего, предусматривает наличие силы, кстати, и физической тоже!

Я отвечала:

– И так, и не так. У меня достаточный выбор гренадеров. Мне интересно решать с ними сексуальные проблемы. Но это меня не реализует психоэмоционально. Сила мужика – это еще и его поведение в контрольной ситуации. А тут у меня слишком длинный список претензий…

Миша задумывался. На следующий день спрашивал:

– А ты можешь сформулировать, что тебе мешает быть стопроцентно счастливой?

Я отвечала:

– У меня кризис идентичности. Не столько после развода, сколько после проигранных выборов в Госдуму. Не исключаю, что и поход на выборы был попыткой спрятаться от этого кризиса. Я нудная перфекционистка, мне все время хочется улучшаться. И вот я попала в социально-возрастную воронку, из системы координат которой долго не могу выбраться…

Миша говорил:

– Система координат, как марксизм, – не догма, а всего-навсего временное состояние, способное видоизменяться до степени диаметрально противоположного. Это является симптомом не беспринципности или аморфности, а гибкости и тенденции к росту и самосовершенствованию, являющихся элементами высшей формы проявления любви к себе как к центру всего, что тебя окружает… Тебе сейчас надо долго делать что-то, приносящее колоссальное удовольствие!

И я отвечала ему:

– Именно с этой терапевтической целью я и занимаюсь организацией автопробега…

И Миша отвечал:

– Понятно, что больше эту идиотскую идею оправдать нечем.

Ясно, что такой диалог ни за что не мог происходить между мной и Веней. Ведь Веня, хотя и понимал, что означают употребленные слова, никогда не сумел бы скомпоновать и осмыслить их подобным образом.

В это время Веня сложно проживал свои простые радости и горести отношений с Беби. Получалось, что любит он девушку только материально. Беби приезжала, чистила его кошелек, ужинала с ним в кабаке, а потом в финале у нее болело горло, сердце, почки, голова, и она с изменившимся лицом ехала домой и ложилась в постель. Подозреваю, что она каждый раз честно собиралась расплатиться натурой, но настолько не хотела Веню, что природа брала свое. Было ясно, что она никогда не уйдет сама и потому что привыкла к Вениному

кошельку, и потому что у нее каждые полчаса ломалась машина или случалась авария. И она давала Вене возможность побыть спасителем.

Веня расстраивался и шел к гадалке. За тысячу рублей гадалка говорила ему ровно то, что ему хотелось услышать. И он запальчиво говорил мне:

– Был вчера у гадалки. Сказала, что у Беби никого нет!

Я пожимала плечами и советовала:

– Оставь девку в покое, она каждый раз после тебя болеет, ты ее так инвалидом сделаешь!

Но в эту сторону Веня думать не мог. Ему больше нравилась версия того, как его бывшая зазноба ходит по ведьмам и колдунам, наводя на него и Беби черную порчу.

Я устало спрашивала:

– Вспомни, как ты с Беби познакомился!

И Веня прилежно излагал:

– Беби была девушкой моего друга Туркина. Туркин ездил к ней трахаться по понедельникам. По средам и пятницам к ней ездил за тем же ее женатый бойфренд. Однажды Туркин с похмелья перепутал и приехал не в свой день. Тут нарисовался женатый бойфренд, начал ломиться в дверь. Туркин смекнул, что за развнедельный секс рисковать башкой не стоит, связал простыни и вылез в окно. И позвонил мне. Я приехал с пушкой, навешал бойфренду, она бросилась мне на шею.

Я устало спрашивала:

– И куда, по-твоему, теперь делся женатый бойфренд?

Веня выпрямлял плечи:

– Да он меня боится.

Я заходила с другого угла:

– То есть раньше она занималась сексом раз в неделю с Туркиным, два раза в неделю с бойфрендом, а теперь ни разу ни с тобой, ни с кем другим?

Веня сутулил плечи:

– Но ведь гадалка сказала…

Дальше он пугался прозрачности темы и перескакивал на следующую. Правда, ровно через неделю снова просил меня объяснить, что происходит с Беби.

Беби было легко понять. Она дольше и подробней меня слушала Венины монологи про героическое прошлое и многообещающее будущее. С трудом видела себя во втором, хотя отчетливо представлялась как невеста и совершенно бесхитростно решала за это материальные проблемы.

Однажды Веня сообщил, что был на очередной поимке наркокурьера, трое суток шагал, трое суток не спал. Это, однако, не отменяло деловых встреч по автопробегу, а жара была градусов пятьдесят. Выкурив после встреч две пачки сигарет и выпив десять чашек кофе, Веня, естественно, поплыл. Выражалось это в том, что он начал умирать посреди дороги в его дом, куда я корыстно ехала, чтобы поваляться в ванне по причине летнего отключения горячей воды в моей собственной.

Представьте себе сорокалетнего несвежего мужчину, который бледнеет лицом, прижимает машину к тротуару и голосом, которым сообщают последнюю волю, говорит:

– Не бойся, я сейчас немного полежу и отойду…

При этом не комментирует, куда именно отойдет, «туда» или «сюда». Затем откидывает сиденье назад и лежит, закрыв глаза, с опрокинутым лицом. У меня за плечами большая школа жизни. Мой первый муж, когда хотел поставить меня на уши, ложился и умирал так убедительно, что постепенно я начала отдавать должное педагогам, которые его обучали актерскому мастерству сначала на отделении музыкальной комедии, потом на отделении вокала. Мой второй муж обожал довести дело до температуры сорок, смотреть на меня

из-под ресниц томным прощающимся взглядом, а с утра вскочить и пойти на совещание. Так что с мужчинами в этой позе я знакома подробно. Однако диагностировать Венино состояние я не могла. На предложения вызвать «скорую» он отвечал траурным мычанием и помахивал затухающей рукой…

Пришлось применить старый женский трюк, набрать по мобильнику подружку и начать весело болтать. Лишившись благодарного зрителя, Веня обиженно воскрес из мертвых и завел машину.

Дома он выглядел более жизнеутверждающе, навернул полбутылки коньяка и упал в постель. Дав жесткую инструкцию набирать меня по мобильнику, если что, я отправилась в ванную. Позвонила Беби, и я попросила ее поскорее приехать, чтобы охранять любимое тело до утра.

Выйдя из ванной, застала мирно сопящего в постели Веню и курящую Беби на балконе. Мой рассказ не произвел на нее ни малейшего впечатления:

– Ой, я вас умоляю! Вы что, его не знаете?

Видимо, она его знала лучше.

– За мной сейчас приедет машина, будет здорово, если вы останетесь, – мягко предложила я.

– Никак не получится, – покачала головой Беби, – я завтра в Сочи улетаю, а мне еще вещи собрать, с подругами потрындеть… и вообще…

Утром на сто процентов воскресший Веня жаловался, что эта сволочь приезжала за деньгами на отдых. И спрашивал, что делать… Я советовала больше не давать денег, а при их избыточной массе переводить на счет детского дома. Веня надувался…

А тут еще Миша прилетал из Америки и врывался в автопробегскую идиллию «творческими муками».

– Вспомни, как началась карьера Пугачевой. С проходной песни «Посидим-поокаем…», – поучала я, – потом она на несколько лет ушла под лед и появилась уже с песней «Арлекино» и новым образом. У Пугачевой была такая возможность. У тебя – нет. Ты настолько интересней того, что поешь, что если сразу не заявишь работоспособный имидж, уже не будет времени его менять.

– И что ты предлагаешь? – капризным голосом звезды, недовольной продюсером, спрашивал он.

– Я тебе предлагаю уже сделанные песни тихонечко продать совковым сериалам и «мыльным операм», там они схаваются. Но для концертного репертуара их надо «засыпать и забыть»… До того как ты поймешь, какие тексты тебе петь, какие не петь, тебе надо понять, кто ты. Потому что работать надо с реальным образом. Главный закон пиара: «ничто так хорошо не продается, как чистая правда».

– И как ты видишь правду? – кривил он губы.

– Твои диски распадаются на шансон и КСП. КСП давно ассоциируется с плохо помытыми шестидесятниками, у которых уже лет 20 не стоит. А вот твой шансон должен быть интеллигентней и информативней общего уровня шансона. От твоей морды и фамилии зритель ждет «романса, истории». Сегодня в России пуста ниша лирического интеллигента, в том числе и в шансоне.

– Да я и так звезда в Америке! – вспоминал Миша, чтобы, как Веня о Беби, не слышать правды о своем настоящем и будущем.

– Чтобы стать даже не звездой, а метеоритом, необходимо изъять идиотскую американскую жизнерадостность и работать с томностью.

– Фигня! Ты просто меня плохо знаешь! Всякий раз, когда я начинал что-то подобное, мне тоже говорили, что это нереально, а я выигрывал! – настаивал Миша.

– На уровне твоего столкновения с рынком масса и скорость не предполагают корреляции на твою личную и психологическую успешность. На уровне конкуренции в «русской Америке» победить легко. Это все равно что главврачу психушки выйти победителем в конкурсе на лучшего Деда Мороза, соревнуясь с пациентами. Ты стал «артистом», эксплуатируя психические девиации эмиграции. Тебе достаточно было оказаться менее тревожным, чем твой зритель, и зрителю становилось хорошо от одного этого.

– Так я и здесь менее тревожен, чем остальные. Я и здесь пример! – поднимал Миша густую бровь.

– В России совершенно иной рынок. Россия в пассионарной истерике. Тридцатилетние уже выбили плечом сорокалетних, а их потихоньку вышибают двадцатилетние. И дело не в интеллекте, а в типе реакций, в смелости, в ощущении времени…

– И где же моя ниша, по-твоему?

– Твой успех скорее может быть связан с эффектом узнавания: «А, он из тех самых людей, которых мы тогда любили… а потом забыли в нашей жесткой жизни…» Эдакая дежавю…

– Но я же раскрутился с этим репертуаром в Америке!

– Все, что идет в плюс раскрутке в эмиграционной среде, идет в минус у нас. Фамилия, возраст, тип внешности, манеры, факт адаптированности в эмиграции: там это делает тебя своим, ценным; здесь – чужим, не любопытным, человеком прошлого…

Я реалистично относилась к Мишиным перспективам, поскольку мир вокруг меня резко оказался набитым эмигрантами, спланировавшими на Москву на запах денег. Они везли к нам все: старые западные технологии, сомнительные финансовые предложения, нераспроданные вовремя шмотки, уцененных врачей, теории экономического роста… Миша привез самого себя и никак не мог взять в толк, почему этот секонд-хэнд не продается.

Незадолго до него на меня спланировал эмигрант из Германии, долго представлявшийся агентом известного немецкого специалиста по счастью: смесью Карнеги и Кашпировского. Он завалил своими книгами полмира. К настоящему моменту на них и семинары приобрел самолет и десять «ягуаров»… У меня, правда, всегда возникают сомнения по поводу психического здоровья владельца сразу десяти «ягуаров», но… Интернет подтверждал сумасшедшую раскрученность немца, а агент подтверждал права на возможность заключения со мной договора на написание совместной с немцем книжки о технологии счастья. Меня, конечно, не заинтересовала идея продажи в России ввозных рецептов счастья, но я задала про это вопросы нескольким издателям. Они посоветовались с книготорговцами и ответили, что книжка такая на рынке была бы очень хороша, но только без фамилии немца и без его рецептов, а мне они договор на лучших условиях пришлют с курьером прямо завтра.

Я сообщила эту новость агенту, тот загрустил. Но перезвонил через день и предложил медицинское немецкое оборудование. Я отправила его к подруге Ире в национальный медцентр, оказалось, что у нее уже пять лет стоит немецкое оборудование более нового поколения, чем предлагает агент специалиста по счастью. Тогда парень предложил строительные материалы, косметику и поправки к конституции… финалом был звонок по поводу того, не надо ли мне перегнать из Германии подержанную машину.

Я обиженно ответила, что фанатею только по американским автомобилям… Так что в истории Мишиной раскрутки я все ждала, когда он спустится на реальный уровень перегона автомобилей с уровня перегонов рецептов счастья.

Автопробег то срывался, то цеплялся за край. Тихо сместились его даты… начали сползать с августа на сентябрь. Мягко сократились деньги и участники… Веня кричал, что это дело его чести и мы хоть вдвоем, но проедем сквозь Россию… Мне не хотелось защищать

честь подобным образом, я пошла в Совет Федерации и через некоторое время получила поддержку от губернаторов. Было ясно, что под нее подтянутся и остальные звенья. Но что-то во мне устало. Перетерлась какая-то пружинка. Занудство любимого, пафос Миши, идиотизм Вени… А тут предложили на неделю слетать выступить в далекий-далекий город.

Примерно за полгода до этого у меня брал интервью журналист, такой «мальчик-колокольчик из города Динь-динь». Милый провинциал, в свои тридцать так искренне косящий под распахнутого подростка, что его даже было неловко одергивать. Он подробно расспрашивал про любовь, патриотизм, будущее человечества, смысл жизни и о том, как в Москве правильней устраиваться на работу, я честно и вежливо отвечала. А он благодарно завершил беседу:

– В моем городе Н. очень красивая природа, особенно зимой, когда минус пятьдесят! И вас в городе Н. очень любят, так что пообещайте нашим читателям, что приедете встретиться с ними!

– Обязательно приеду! – ответила я с тактичной улыбкой и забыла о собеседнике навсегда.

Не будешь ведь марсианину на сезон метеоритного дождя объяснять, что марсианская природа мало приспособлена для землянина. Проще ведь политкорректно улыбнуться и согласиться.

Но когда Веня, Миша, автопробег и московская жара после празднества в «Метелице» достигли апогея, позвонил журналист и сообщил, что «сегодня среда, а в субботу мы вылетаем в город Н.». Было так плохо слышно, что мне не удалось окрасить интонацию изумления так, чтобы в ней услышались все ненормативные кружева, которыми я владею в совершенстве и за которые в городе Н., наследнике лагерей, убивают в ту же секунду. Не въехав в мое настроение, мальчик-колокольчик сказал:

– Жду вас в субботу в аэропорту!

И повесил трубку. И тут я поняла, что я вправду лечу в город Н., и никакого смысла внутренне обсуждать, что полный идиотизм делать это в разгар организации автопробега. Да и вообще полный идиотизм! Мало ли на карте городов Н.!

– Ты рехнулась! – вопил Веня. – Если ты улетишь, все провалится! Что нормальному человеку делать летом в городе Н.? Это дурацкий каприз! Автопробег – дело нашей жизни! Он перевернет всю страну, он изменит отношение к американским автомобилям!

– Я лечу на неделю! А ты за это время сходишь на три встречи. Время и место записаны у секретарши. Просто надеваешь костюм вменяемого цвета, приходишь вовремя и рассказываешь все, что ты уже рассказал 300 раз. Места важные – администрация Президента, Совет Федерации и представительство «Волги»…

Веня куксился.

– Зачем тебе в Н.? – подозрительно спрашивал любимый с вялым раздражением собаки на сене.

– Город Н. классный! Я там был когда-то! Договорись о моих гастролях! – просил Миша, подозревая, что если ни одна живая душа не может опознать его в Москве, где он прожил жизнь до эмиграции, то население города Н. определенно состоит из его фанатов.

В субботу я действительно летела в добротном самолете с мальчиком-колокольчиком и через четыре часа поняла, что город Н. находится не возле Архангельска, а дальше, чем конец света… Россиянин смотрит на карту в школе, а всю остальную жизнь представляет себе планету «по понятиям». По понятиям, например, Париж – это близко, а Саратов – хрен знает где. Токио – модное место, а города Благовещенска не существует потому, что фигли там делать. Нью-Йорк – спальный район Москвы, а вот Сыктывкар – нереально далеко… Ну и ясное дело, что если зимой холодно, то все это должно быть возле Архангельска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.